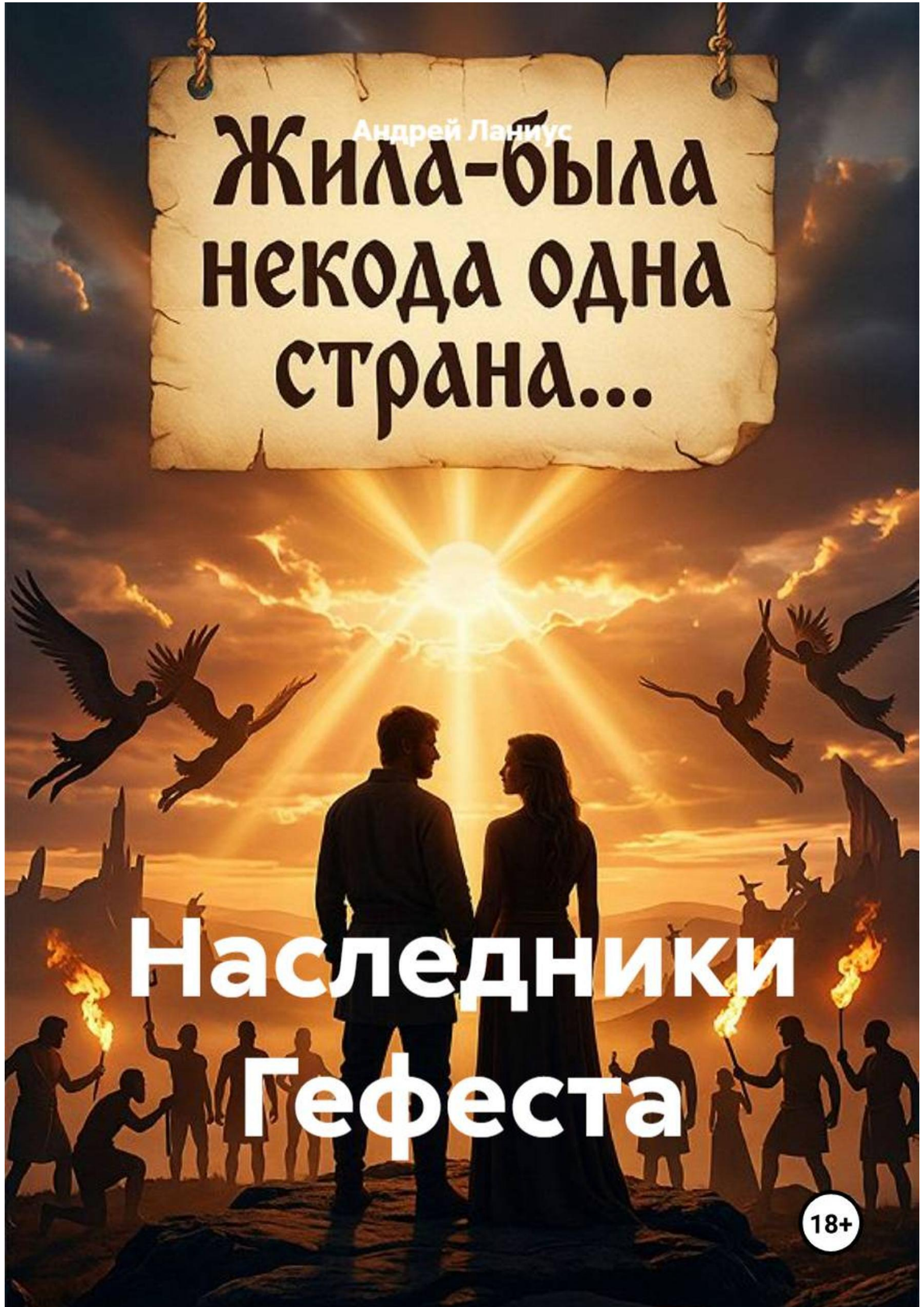

Андрей Ланиус

Жила-была некогда одна страна...

Наследники Гефеста

18+

Андрей Ланиус

Наследники Гефеста

«Автор»

2026

Ланиус А.

Наследники Гефеста / А. Ланиус — «Автор», 2026

По этой земле носятся Гермесы, работают Гефесты, есть свои Прометеи, а всем командуют Зевсы. Есть свои Аполлоны и Афродиты. Есть неумолимый Кронос. Освещает землю пламенный Гелиос. А где-то прячутся циклопы и гекатонхейры. Жила-была некогда одна страна....Сборник посвящен людям труда.

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Случай на болоте	5
Невезучий	18
Невозмутимый	26
Мятежный	30
Через тернии...Почему бы и нет?	34
Дед Мирон	38
Веселая бригада	42
Планерка. Тайна Замойлова	58
Отгулы	61
Схватка	67
«Тропа выкладывается камень за камнем»	71
Ошибка	74
Ядро	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Наследники Гефеста

Случай на болоте

В свое время многие из тех, кто хорошо знал Жихарева и Ерошкина ,удивлялись: как могли сдружиться столь разные люди?

Но вот минул год: и странным начало казаться другое: что же произошло такого, что два неразлучных товарища – Жихарев и Ерошкин – в упор не замечают друг друга, хоть вроде бы не было меж ними ссоры?

История дружбы зарождалась и развивалась у всех на глазах. Немного наблюдательности и сочувствия, и ее истоки стали бы понятны каждому.

История размолвки загадочна.

Быть может, и не стоило бы ворошить прошлое, но ...

Немало воды утекло с тех пор. Так отчего бы не поступить по примеру цивилизованных государств, которые в положенный срок открывают доступ к ранее секретным документам? Это все же лучше, чем всякий раз повторять прежние ошибки.

Приступим...

Они и в самом деле были разными. Жихарев – вертлявый, задиристый, как петух ,вски-пающий , будто молоко на жарком пламени , мгновенно чувствующий , где можно урвать кусок пожирнее , а где надо живо спрятаться в кусты: не был он лишен и приятной внешности. Ерош-кин же - чудаковатый и незаметный малый, из тех, кого называют недотепами, легко смущаю-щийся, с безвольной всепрощающей улыбкой на лице, черты которого никак не вписывались в эталоны мужской красоты, притом , Ерошкин сутулился и как на грех припадал на пятки.

Впервые судьба свела героев в бригаде монтажников, строивших ЛЭП в окрестностях маленького забайкальского городка, сжатого со всех сторон сопками и тайгой.

Монтажники – народ неприхотливый, привыкший к житью-бытью в вагончиках и палат-ках. Но на этот раз им повезло: жили в теплой бревенчатой гостинице ,разместившись по два человека в номере. Поскольку общее число рабочих было нечетным то один остался без напар-ника. Им-то и оказался Жихарев и , конечно : в бригаде его не то , чтобы недолюбливали , но , зная взбалмошный характер , как-то сторонились , особенно в часы досуга - иначе прощай , спокойный отдых!

Впрочем, самому Жихареву было глубоко плевать, кто именно храпит на соседней гости-ничной койке. Считая себя удачливым сердцеедом, он каждом новом объекте обзаводился подружкой. При этом Жихарев никогда не гонялся за журавлем в небе, не ждал, когда в душе зацветут сады и не настраивал своей скрипки на возвышенный лад, а выбирал для своей осады такую крепость , которая выглядела доступней и должна была пасть при первых выстрелах.

Доступность – вот на что он ориентируется. С этой точки зрения понятна его тяга к дамам балзаковского возраста, явно не избалованным вниманием, которые уж точно не позволят себе никаких сюрпризов, ко всякого рода невзрачным, нескладным особам, а также к дамам легкого поведения, причем самого дешевого пошиба.

Но вот что характерно: даже с самой потасканной особой он ведет себя как вел бы рыцарь с дамой сердца: целует ручки, читает стихи, обращается на «вы», делает витиеватые компли-менты, обязательно дарит цветы – хотя бы один цветочек, в крайнем случае, веточку. Никакой пошлости, ни намек на ругань или грубость!

Ну, а если у дамы через какой-то время стан станет полнее обычного Жихарева это не волновало , ибо это уже женские проблемы.

Словом он мог и не ночевать в гостинице. Ибо в первый же вечер овладел Верой – скромной раздатчицей из городской столовой. Вера старше его лет на пятнадцать, сын служил в армии, сама же Вера жила в просторном бревенчатом доме со старухой-матерью. Однако перепираться по новому адресу Жихарев не спешил, ибо превыше всего ценил личную свободу. По этой причине он время от времени ночевал все же в гостинице.

Между тем в строительном управлении откликнулись, наконец, на слезные мольбы прораба Савелло о подкреплении. Подкрепление прибыло в единственном числе. Это и был Ерошкин, которого тут же подселили к Жихареву.

Очень скоро Жихарев понял, до чего же удобный сосед попался! О чем его только ни попросишь – то ли заварить чай, то ли сходить в магазин, то ли одолжить червонец до аванса – Ерошкин безотказно выполнял просьбу, особенно, если та сопровождалась магическим заключением: «Будь другом!».

«Будь другом!» - и вот уже Ерошкин встает в шесть утра и кипятит воду для машины, пока Жихарев досматривает самые сладкие сны. «Будь другом!» - и Ерошкин в лютый холод вытаскивает и кузова заиндевелый, насквозь замороженный трос, а Жихарев подает команды из теплой кабины...

А в свободный вечер Ерошкин терпеливо слушает пространные монологи Жихарева, его философские рассуждения, воспоминания и байки, причем создается впечатление, что он, Ерошкин, по крайней мере, половину услышанного принял за чистую монету.

Словом Жихарев быстро сообразил, что судьба послала ему истинное сокровище, которое надо беречь и по возможности пользоваться им только самому. Но действовать лаской или хотя бы мягкой лапой у Жихарева при всей его сметливости не получалась. Его злой и непослушный язык брал свое. Стоило Ерошкину на десять минут зайти в другую комнату, как Жихарев под каким-либо предлогом вызывал его и устраивал головомойку. Он вопил на Ерошкина, издевался над его стеснительностью, зло вышучивал манеры. Могло показаться, что он помыкает Ерошкиным как заблагорассудится.

Но все обстояло не так-то просто. Не был Ерошкин ни слабохарактерным добряком, ни мальчиком на побегушках.

Во-первых, по работе он запросто давал сто очков форы и Жихареву, и многим другим. Жихарев, к примеру, лихо шоферил, но первая же поломка ввергала его в уныние, и частенько увязал в болоте, то и дело забывал долить масло и никогда не мог точно рассчитать, на сколько хватит бензина в баке. В эти моменты Жихарева напоминал сатира.

А вот Ерошкин в своем деле был олимпийский бог, титан-виртуоз, герой профессионал высшей пробы. Ас-верхолаз, он преображался, поднявшись на высоковольтную опору. Ноздри раздувались, взгляд становился жестким, движения - уверенными и точными, а голос звучал резко и повелительно, словно он Зевс Кронович Громовержец. С грацией акробата он буквально перепархивал с секции на секцию, шел, посвистывая, без всякой страховки по узенькому уголку траверсы, а подвешивая провод, спускался по гирлянде изоляторов так свободно, будто вниз и не было бездны.

Высота была его стихией. Здесь он царил.

Но спустившись на землю, снова превращался в тишайшего, неприметного паренька. Удивительно ли это? Ведь даже и великие личности, будучи низвергнутыми с небес на землю, быстро теряли в глазах современников свои достоинства. Ерошкин же только тем и занимался, что спускался с небес на землю. Правда, в одном отношении он был счастливее низвергнутых «великих», ибо за каждым спуском следовал очередной подъем.

Притом характер Ерошкина был чем-то сродни забайкальской почве, верхний слой которой легко поддается воздействию обычной лопаты, а лежащий глубже успешно противостоит даже победитовым зубьям буровой машины.

Да, Ерошкин безропотно шел на кухню ставить чайник, когда Жихарев просил, вернее требовал этого, но он же, Ерошкин, вынудил Жихарева при каждом удобном случае лезть под машину, чтобы сделать мелкий ремонт; он терялся и краснел под градом острот Жихарева, но он же приучил того перед каждым выездом из гаража обязательно брать трос, лопату и ведро, так что Жихарев теперь гораздо реже «загорал» в болоте; он, смущаясь, направлялся к неудовлетворенной Вере, чтобы уладить очередную ссору любовников, но он же побудил своего безалаберного товарища терпимее относиться к окружающим и не затевать поминутно беспричинных свар.

Словом, если Ерошкин в чем-то подчинялся Жихареву, то по справедливости следует сказать, что и последний зависел от первого.

Но главное не это.

Болтливый, нахрапистый Жихарев был в сущности одинок.

Молчаливый и замкнутый Ерошкин тоже был одинок.

Ну а когда встречаются два одиноких человека, между ними почти возникает духовная общность.

Как бы там ни было, они крепко привязались к друг другу – подружились, хотя внешние проявления этой дружбы порой казались более чем странным.

В конце декабря трасса были построена. Оставались сущие пустяки-мелкие недоделки, без которых, как известно, не возводился ни один объект. Прораб Савелло разделил бригаду на звенья по два-три человека, и каждому дал задание сообразно с квалификацией.

Ерошкина и Жихарева он послал к дальнему болоту, посреди которого еще прошлой зимой поставили опору, но в суматохе не переложили вовремя провода из роликов в «лодочки». Весной болото зачавкало и к опоре было не подступить, так что пришлось дожидаться новых морозов. Работа была простая, но дорога к опоре – дальней, и поэтому Жихарев пребывал в крайне нервном состоянии.

То ли работать сейчас вблизи городка: час-другой на недоделку, а после со спокойной совестью можно ехать к Вере на пельмени, а затем залить ее лагуну густой белой пеной. Так нет же, изволь терять целый день, крутить баранку по этим клятым сопкам вместо того, чтобы крутить через мясорубку в уютном бревенчатом доме, в тепле и предвкушение сытного обеда. А затем ... «превратить животы его прекраснеликих супругов в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!»

Нет. Жихарев отбрыкался бы, заморочил бы прорабу голову мнимой поломкой в моторе.

Но Ерошкин уже заверил Савелло, что они сделают в лучшем виде. Так что, непись, Савелло. Все будет ништяк.

И посему Жихарев был страшно зол, на Ерошкина, на его вечную покладистость, так зол, что принародно поклялся преподавать жестокий урок, чтобы он почувствовал на своей шкуре, каково портить своей дурацкой честностью настроение другим. От злости Жихарев даже отказал Вере в ночи любви.

Первые километры он дергал машину, резко тормозил, так что Ерошкин едва не ударился лбом о стекло, но постепенно Жихарев остыл и только нажимал на газ, чтобы поскорее добраться до мерзкого болота. Остались лишь досада, что не потискал мягкие груди Веры и вошел в ее сладкое лоно резким толчком еще раз.

День был морозный и ясный. Сосны стояли величественно, словно возбужденный член, прислушиваясь к реву автомобиля, невесть зачем ползущего в дебри. Дорога петляла между сопков, снег на косогорах вспыхивал в солнечных лучах голубоватыми искорками.

Внезапно Жихарев затормозил.

- Во! – вскричал он. - Видишь ложбинку?

Вид отсюда открывался замечательный. Тайга стояла как сказочная. Сейчас – под Новый 1984 год – казалось вполне правдоподобным, что где-то здесь обитают двенадцать месяцев: пройдя немного вглубь и обязательно встретишься с ними со всеми. Наверное, об этом сейчас думал Ерошкин, глядя на заснеженный лес и мечтательно улыбался.

- Вижу, - односложно ответил он.

- Прошлой весной мы здесь рысь убили. А после сожрали.

- Это кошку – то? – удивился Ерошкин, уже десять раз слышавший эту историю.

- Кошку ... Сам ты кошка! Олег Васильевич крутил поначалу носом. А как зажарил ее с лучком, так трескал, что едва челюсть себе не вывихнул. – Он повел машину дальше.

- Рысей и так мало осталось, - тихо промолвил Ерошкин. - А из-за таких, как ты, скоро вообще не останется. Рысь они убили – великие охотники! Голодаешь ты, что ли? Мало тебя твои бабы подкармливают?

- А тебе завидно? Завидно, да?

- Не надо было ее убивать, вот что.

- Да я ведь тебе объяснял, - произнес Жихарев тоном, не предвещающем ничего хорошего, - сто раз объяснял. Она сама на нас набросилась. Голодная была. Ей, понимаешь, ей жрать было нечего! – Он неожиданно взвизгнул «баритональным дискантом»: - Она же Колько загрызть могла! – Тут Жихарев выдержал многозначительную паузу, как бы демонстрируя, каким невероятных усилий стоит ему разговор с бестолковым Ерошкиным и прорычал: - Тебе вообще бесполезно объяснять. Я ведь тебе объяснял, что рысь сама на тебя напала? Ну, отвечай, говорил или нет?

- Говорил, говорил, ладно ... - Ерошкин отвернулся, глядя на мелькающие светло-коричневые стволы.

- Выходит, у нас было право ее убить? – не унимался распалившийся Жихарев.

- Наверное ...

- А сожрать? Имели мы право ее сожрать или нет? Отвечай!

Ерошкин лишь состроил гримасу.

- Ах ты, обезьяна! Ну что за человек, а? Дать бы тебе разок ... - Минуты три Жихарев осыпал спутника бранью. Тот, отвернувшись, смотрел в боковое стекло.

Наконец, поток красноречия иссяк. Еще раз он яростно выдохнул и постепенно замолк. Но уже через минуту вновь обратился к другу с самым миролюбивым тоном:

- Ерошкин ...

Тот молчал.

- Послушай, Ерошкин ...

Молчание.

- Будь другом, Ерошкин...

-Ну?

- Как ты думаешь жениться мне на Вере или нет?

- Женись...

- Вообще-то жениться можно. Ну, старше меня, ребенок уже взрослый, свой дом, участок, скотина, птица. А с другой стороны, торчать в этой глуши неохота. К черту! Хотя... Дом, конечно можно продать и уехать. А вообще-то сразу уезжать неохота. Мне здешняя природа нравится.

- Тогда уж лучше сразу уезжай.

- Это почему же? – вкрадчиво спросил Жихарев.

- Потому что ты здешней природе не нужен.

- Это почему же? – завизжал Жихарев – Ну-ка, лемуру мадагаскарский, объясни мне.

- Сколько ты деревьев загубил в лесу, сколько елочек поломал машиной. Разворачиваясь на просеке, как бегемот, лень лишний раз руль повернуть...

- Выходит, я один здесь елочки ломаю? Один? Да? - Жихарев в сердцах ударил кулаком по панели. – Один я такой нехороший?

- В том-то и дело, что не один... - Ерошкин вздохнул. – И рысь вот убил ...

- Ерошкин, не доводи меня!

-Тебе ее не жалко, в этом вся штука. Понимаешь?

Жихарев заскрипел зубами.

-Рысь ему жалко! А меня тебе не жалко? Я тебя как человек спрашиваю – жениться мне или нет?

- Все равно ведь не женишься.

- Заладил! Может, я ее люблю ее.

- Любил бы – не спрашивал бы.

- Ну сволочь! Я ведь у тебя как у друга совет прошу!

-Женись...

Жихарев снова затормозил так резко, что Ерошкин уже в который раз едва не ударился о стекло.

- Ты меня доведешь! Ты меня когда-нибудь доведешь, Ерошкин! Вот ка - ак шибану сейчас машину о дерево! Или с сопки спущу! Черт с ним – сам расшибусь, но и ты меня попомнишь!

Ерошкин отвернулся к окну.

Жихарев крепился до последнего, но вновь вспыхнувшая мысль о предстоящих хлопотах и досада об капризном отказе от лона Веры перед отъездом вызвало в нем очередной прилив раздражения. Он желчно проговорил:

-Ну и зануда же ты, Ерошкин! Так бы и дудел, дудел в свою дудку, пили бы, пилил... Уж я-то тебя знаю. Ты же только притворяешься тихоней. А дать тебе волю – сожрешь человека своими поповскими нравоучениями. Ладно! Я тебе сегодня еще устрою! У тебя эта рысь из чайника твоего ржавого выскочит. И на Верке женюсь. Тебе назло женюсь! Вот так!

И чтобы еще сильнее досадить Ерошкину, он взял руль вправо и проехать по низеньким елочкам, что росли вдоль дороги.

Наконец они выехали к болоту, которое громадным осьминогом улеглось между сопками. В теплую пору оно было совершенно непролазным, но с середины осени промерзло насквозь.

Ерошкин сбросил полушубок, надел монтажный пояс.

- Давай залезем вместе, а, Жихарев? Все же последняя опора на трассе...

Это у них была вроде игра. Подобно тому, как счастливый влюбленный полагает, что все вокруг должны быть счастливы. Ерошкин считал, что Жихарев испытывает невыразимое блаженство, поднявшись на верхнюю траверсу. Еще с лета он настойчиво зазывал Жихарева на опору, на что тот неизменно отвечал:

- Катись ты с ней! Меня хоть золотом осыпь, никогда не полезу ни на высоту, ни под землю. Чего я там не видал? – он говорил пренебрежительно, хотя на самом деле в основе отказа лежал страх высоты, чего Ерошкин понять не мог – так хирург не понимает, как можно бояться вида крови.

- Твое дело, - примирительно ответил Ерошкин. Быстро, но внимательно он осмотрел такелаж и попросил: - Жихарев, завяжи новую петлю на тросике. Эта, видишь, на честном слове держится.

- Ладно, - буркнул тот.

Ерошкин ловко полез на опору, а Жихарев, повертел в руках тросик, с досадой бросил его на землю. – Ничего, выдержит ... - Вспышка раздражительности прошла, и он прокричал вслед Ерошкину: - Будь другом! Давай поскорее! К Вере поедem, на пельмени!

Ерошкин не отвечал – он поднимался ввысь.

Никогда Ерошкин, не сумел бы объяснить словами того превращения, которое происходило с ним при подъеме на опору. Но он очень хорошо чувствовал до легкого сладостного головокружения, как с каждым новым метром высоты вливаются в него свежие, невозможные силы.

Горизонт раздвигался. Неоглядное пространство раскинулось вокруг. Ерошкин видел припорошенную снегом тайгу, бесчисленные шапки сопки, игрушечные домики далекой деревеньки, дымок, выходящий из труб, - и это все воспринималось им как единое целое, из которого нельзя вынуть без ущерба не одной пустяковины.

Всякий раз, когда он смотрел вот так с опоры вдаль, его охватывала необъяснимая восторженность, преклонение перед гармоничностью мира, частицей которого он был сам.

-Ерошкин! – еще пуще завопил Жихарев. – Давай!

Ерошкин споро приступил к работе. Особых хитростей она не требовала. Особых хитростей она не требовала. Главное – подвесить к траверсе блок и пропустить через него тонкий гибкий тросик с петлями на концах, да так, чтобы обе петли оказались на земле. А там дело пойдет веселее: одну петлю Жихарев набросит на крюк машины, к другой - привяжет арматуру. Теперь дать машине задний ход, и тросик заскользит по блоку, поднимая вверх привязанный груз. Еще пять-шесть таких же простых операций, и гирлянда с проводом займет подобающее положение. Все это отнимает считанные минуты, особенно если за дело берется такой профессионал, как Ерошкин...

Однако сегодня тот не спешил. Когда он прикасался к заиндевевшему металлу красными обветренными руками, создавалось впечатление, что не руки его мерзнут при этом, а нагревается металл. Наглухо затянув гайки, Ерошкин опять замер наверху, мечтательно улыбаясь. Он как бы позволил себе расслабиться. Все же – последняя опора в нынешнем году.

Но Жихарев не дремал. Понукаемый его воплями Ерошкин, наконец, спустился на нижние траверсы. Закончив с левым проводом, перешел на правый. Последняя опора, последний ролик.

-Ерошкин! Хорошо торчать наверху! Скорее! – снова заорал Жихарев. Он уже начал мерзнуть. Яркое солнце, что сияло посредине ослепительно голубого неба, не грело ничуть. Жихарев попрыгал, потоптал ногами, похлопал руками в шерстяных варежках по ляжкам, но теплее не становилось. Он убежал в жаркую кабину, наблюдая оттуда за Ерошкиным, который будто нарочно оттягивал неизбежный спуск с опоры.

Наконец, Ерошкин дал сигнал. На радостях, что заканчивается вся эта волянка, Жихарев подал машину назад таким рывком, что тросик «задрал» гирлянду едва ли не до траверсы.

Повиснув без всякой страховки на двенадцатиметровой высоте, Ерошкин принялся снимать ролик.

И тут что-то произошло. Хотя грузовик мертво стоял на тормозах, гирлянду вдруг дернулась и резко выпрямилась, по всему проводу пробежала волна, и Ерошкин принял довольно нелепую позу, будто пытался обнять гирлянду.

Жихарев, чертыхаясь вылез на холод. Проклятая петля все же порвалась. Он быстро завязал новую и накинул ее на крюк.

- Жихарев... - послышался сверху спокойно голос.

-Чего?

- Поднимитесь на опору.

- Чего-чего?

- Поднимись на опору.

- Иди к черту!

- Я и так у черта. Мне куртку прищемило, рукав. А тросик выскочил из блока. Я не дотянусь. – пояснил Ерошкин.

- Гмм, не дотянешься... - Жихарев обошел опору и встал как раз под Ерошкиным. Думаешь, на простачка напал? Так я тебе и поверил! Знаю я твои штучки. На опору хочешь заманить? Плевал я на нее!

Снизу не было видно, действительно ли куртка Ерошкина оказалась зажатой между проводом и роликом, на спокойный тон друга породил у Жихарева сомнения.

- Врешь, Ерошкин! – убежденно проговорил он.

- Жихарев!

- А я вот сейчас в кабину сяду и буду сидеть, пока ты не закончишь. Выпутывайся сам, как знаешь. На опору не полез. Даже не надейся. Все! – Он действительно сел в кабину, демонстративно грея замерзшие руки в струе тепловентилятора. Выдержки, однако, надолго не хватило. Он опять спрыгнул на снег.

- Ерошкин, висишь?

- Висю. Вишу.

- Ну и виси. Ты серьезно, что ли?

- Не могу, Жихарев.

- Шимпанзе паршивая! Свяжись только с тобой! Обязательно влипнешь в историю.

Награждая Ерошкина всевозможными прозвищами, он подошел к опоре и взобрался на нижний уголок. Нога тотчас соскользнула на обледеневшему металлу. Кое-как Жихарев взобрался на следующий уголок, но когда глянул вниз, голова его закружилась.

- Ерошкин! – закричал он. – К черту! Я не могу.

- Я тоже не могу, отвечал тот. – Не могу ни дотянуться, ни подняться.

- Он не может, баран! Да ты, видно специально сунул свою клешню в щель, чтобы заманить меня на опору. А если я сыграю вниз? Здесь же одни булыги. Костей не соберешь!

- Поднимись еще немного. Тут опора поуже, будет легче.

- Ай! – Нога Жихарева опять соскользнула, он судорожно вцепился в металл руками и ногами, прижавшись к уголкам всем телом.

- Ты неправильно поднимаешься. Ставь ногу в распорку или на болт. Тогда не поскользнешься. Выше, выше ногу поднимай, – говоря так, Ерошкин извивался всем телом, дергая заклинивший ролик. Внизу была пустота.

- Ногу поднимай! – передразнил Жихарев. – Что я тебе – балерина?

- А теперь подтягивайся. И не смотри вниз. Вверх смотри – на траверсу.

Но тут Жихарев снова глянул вниз и у него перехватило дыхание, хотя он поднялся едва на три метра. Он ясно представил себе, как летит вниз, ударяясь от расширяющихся книзу уголки на острые камни, как лопается его живот от удара, брызгает кровь, нечистоты, вываливаются кишки и вонь на всю округу. И весь энтузиазм у него пропал.

Тут же вспомнилась утренняя перебранка с прорабом, согласие Ерошкина, отказ Вере, долгая снежная дорога. И всю дорогу мучающая эрекция. С ужасом, Жихарев ощутил прилив могучей эрекции. Жихарев быстро сполз по несущему поясу вниз.

- Ерошкин! Спускайся сам!

- Говорю же, куртку зажал.

- А ты вылез из нее, орангутанг. Я тебе свой полушубок отдам. Ерошкин, будь другом! Я боюсь... – признался он наконец.

Отчего-то ему показалось, что Ерошкин там наверху, улыбнулся. Ярость мгновенно ослепила Жихарева. Вне себя он выкрикнул:

- Ну, обормот несчастный! Надо бы тебя разочек грохнуть с высоты, чтобы мозги на место встали!

Ерошкин не проронил больше ни слова. Крепче обхватил гирлянду ногами, он начал одной рукой стаскивать с себя через голову куртку и свитер, лишившись на время всякого обзора. И в этот момент нога его, видимо сорвалась со скользкой гирлянды. Ерошкин пытался

удержаться, но сейчас он был слеп. Его рука, не знающая осечки, промахнулась. От резкого движения высвободилась куртка и свитер и распластав пустые рукава, с сухим шорохом полетели вниз, следом - Ерошкин. Казалось, что с неба в полной тишине падает группа обреченных людей.

Жихарев отвернулся.

Раздался протяжный хруст, словно разом раскололи мешок орехов.

Жихареву захотелось бежать, бежать, сломя голову, через сопки, куда-нибудь в глушь, где можно было бы остановиться и представить, что все случившиеся – отвратительная фантазия в стиле Калло.

Ерошкин давно уже лежал на снегу, а в сознании Жихарева, так и замершего спиной к опоре, все прокручивалась одна и та же сцена: летящие с неба Ерошкин в окружении свитера и куртки, и этот невозможный хруст...

Но, некая сила, сродни той, что собирает людей у места катастрофы, заставила его повернуться и шагнуть вперед. «Ерошкин... Ерошкин, будь другом...» - стучало в висках.

Вдруг раздался стон:

- Жихарев...

Тот бросился вперед:

- Ерошкин, живой!

- Жихарев... Не трогай... Спина... Жихарев...

Да, Ерошкину, крепко повезло. Внизу – как раз в месте падения – высилась груда земли, а на ней – сложенный горкой ящики из-под изоляторов, которые, к счастью, не успели сжечь прошлой зимой, когда грелись у костра. Вот эти-то ящики и произвели хруст, так потрясший Жихарева.

Обнадеживаться, однако, не стоило. В машине Ерошкин сразу потерял сознание, стонал, бредил, что-то шептал сухими, побелевшими губами. Перепуганный Жихарев старался не смотреть в его сторону и гнал, гнал свой вездеход, лишь бы поскорее сбить Ерошкина на руки костоправам-лекарям, а там уж пусть они за все отвечают...

Позднее он рассказал прорабу Савелло, как при выезде с болота на подъеме машина забуксовала – там все обледенело! Тогда они вдвоем с Ерошкиным – именно вдвоем! – вскарабкались на сопку, чтобы насобирать на просеке бревнышек и веток и подложить оные под колеса. Он, Жихарев, и пискнуть не успел, как Ерошкин вдруг подскользнулся и сорвался с крутого обрыва. Страх придал рассказу Жихарева такую убедительность, что Савелло тут же начал костерить почему зря Ерошкина за его неуклюжесть и неповоротливость. Жихареву поверили все, да и как не поверить, если каждый знал, что Ерошкин на опоре – бог Аполлон. А с олимпийским богом, когда он наверху, ничего случиться не может. Другое дело – на земле. И притом, как же не поверить Жихареву – лучшему другу пострадавшего?

Тем же вечером Жихарев еще раз съездил на злосчастное болото: подобрал оставленные там в сумятице свитер и полушубок Ерошкина, сжег изломанные ящики, замел все следы. Провод, к счастью, в аккурат улегся в ролик – эксплуатации линии это в принципе не мешает. Если же найдется кто-нибудь дотошный и начнет строить подозрения вокруг этого пакостного ролика, всегда можно сказать, что его не переложили оттого, что прихваченная «лодочка» по дороге выпала из кузова. Да и кто станет проверять в такой глухомани!

Жихарев успокоился.

Первые вести из больницы были тревожными: Ерошкин не приходил в сознание, находясь между жизнью и смертью. И минуло две томительные недели, прежде чем главврач сообщил к радости всей бригады о состоянии Ерошкина, узнав, что тот холост: «До свадьбы заживет».

Известие, что Ерошкин выкарабкался, понятно, больше других обрадовало Жихарева.

Но странное дело: уже к вечеру он занервничал. Что-то здесь не так. С ужасающей ясностью Жихарев понял, что стоит Ерошкину выйти из больницы, как легенда про падение с обрыва лопнет. Пока он отлеживается на койке, его нервы щадят, но потом ... Даже если он уговорит Ерошкина молчать – это не поможет, потому что постепенно того все равно раскрутят, из него выпотрошат все до мельчайших подробностей. Ну, не умеет хитрить этот недотепа, не дал ему бог житейской сетки. И что самое страшное – ему поверят ...

Жихарев боялся думать, что случится тогда. Вставало нечто темное, неизбежное. Иной раз он втягивался в работу и вкалывал на просеке наравне с другими, но вдруг цепенел: казалось, кто-то сильный, грозный, всезнающий подошел сзади и смотрит насмешливо, чтобы через секунду грозно рявкнуть: «Ага! Знает кошка, чье сало съела!». Иногда он внезапно просыпался среди ночи, будто от толчка, и долго лежал с открытыми глазами и все ему казалось, что вот сейчас распахнется дверь, войдет некто в мокром брезентовом плаще до пят и скажет суровым голосом, уперев в него, Жихарева, палец: «Ага! Признайся, лучше похорошему!» Утром, подходя к участку, он долго собирался с силами, прежде чем войти в прорабку, а войдя, сразу же молниеносным взглядом окидывал товарищей – не хмурит ли кто бровей, не готовится бросить неотвратимое: «Ага!».

Он бы бросил все и удрал, но как же удирать без трудовой, как оставить Веру, ее сочные пельмени, дом, которому нужен хозяин – он, Жихарев. Да ведь жалко же!

Он весь извелся. Будто огромная пиявка пробралась внутри и сосала, сосала то один нерв, то другой. Он должен был прикусить язык, ломая свой характер.

Но кто же виноват во всем, если разобраться? Ерошкин, один Ерошкин, этот неумейка, этот разиня, притворившийся асом!

И настал день, когда Жихарев понял, что ненавидит Ерошкина.

У Жихарева мелькнула мысль, поначалу даже испугавшая его самого: «Уж лучше бы он разбился...».

А между тем здоровье Ерошкина шло на поправку и, наконец, его выписали.

Увидев его издали, как он – похудевший, какой-то желтый – идет по тропинке, припадая на пятки и делая короткие робкие шаги, Жихарев отступил за вагончик и со смешанным чувством страха, ненависти и жалости наблюдал оттуда за бывшим другом.

Встреча была неизбежна. У Жихарева оставалось две-три минуты, чтобы подготовиться к ней. Но будь у него в западе даже два-три года, он все равно не решил бы, как именно должен поступить.

Ерошкин медленно приближался. Еще немного – и он войдем на участок.

И тогда Жихарев бросился к машине, громко крича, что ему надо долить масла, и на бешеной скорости выехал на дорогу. Ладони у него мокрые от пота, руль так и скользил в них. В соседней рощице он остановился.

О, господи! Бог ты мой! Каждый день видеть Ерошкина! Каждый день. Изгнать, что вот-вот все выяснится. В любую секунду. Ему, Жихареву, надо бы наоборот – еще крепче привязать Ерошкина к себе, не отпускать того ни на шаг, следить за каждым словом, жестом ... Но он не может, не может!

И тут словно кто-то со стороны подсказал ему простую и здравую мысль: ему, Жихареву, следует внушить всем и каждому, что после падения с обрыва (по версии Жихарева) у Ерошкина что-то тронулось в голове, что он, Жихарев, заметил это еще на болоте, но молчал, чтобы морально не травмировать друга. А теперь он просто обязан предупредить товарищей, что Ерошкин все путает и перевирает, и надо быть с ним осторожнее, относиться, как к тяжелобольному человеку. И настырнее, настырнее толкать идею. Ему, как другу Ерошкина, обязательно поверят, да еще сочтут его долгое вынужденное молчание истинной заботой о пострадавшем. И пусть тогда Ерошкин квакает, что хочет, сердобольные монтажники примут его откровения за бред блаженного.

Действительно, все оказалось проще пареной репы, тем более, что прораб Савелло категорически запретил Ерошкину даже помышлять о работе на трассе, ссылаясь на медицинское заключение. Ему вручили лопату, метлу и ключи, и стал Ерошкин сторожить да прибираться. После больницы он сделался еще тише, задумчивее и медлительнее, что лишний раз убеждало в правоте Жихарева. Ночевал он теперь все чаще в прорабке.

А между тем истомившийся язык Жихарева брал свое. От показного сочувствия и горьких вздохов он очень быстро перешел к злой иронии.

Однажды веером после возвращения с трассы в дальнем углу гаража Жихарев вдохновенно импровизировал на тему о том, как Ерошкин якобы привел в сторожку тетю Акулину – пятидесятипятилетнюю уборщицу из гостиницы, и что из этого вышло. Он так увлекся, что не заметил, как вытянулись лица его слушателей. Жихарев инстинктивно обернулся. Сзади стоял Ерошкин с метлой в руках, в черном стареньком халате точь – в – точь как какой-то городской сумасшедший – и беспомощно улыбался, словно его самого поймали за неблаговидным занятием. Наконец он повернулся и, ссутулившись, побрел прочь держа метлу под мышкой.

А Жихарев после этого случая воспылал еще большей ненавистью к недавнему другу.

Тем временем прораб Савелло решил повысить производительность труда Жихарева, да что-то передумал. Он вычислил, что незачем машине целый день простаивать на трассе, пока Жихарев делает вид, что помогает бригаде. Пускай парень лучше возит на трассу изоляторы со станции. Да чтобы не меньше, чем по три ходки в день!

Жихарев, само собой, сразу же захныкал и заныл – какой он бедный-разнесчастный, чуть что: «Жихарев-туда, Жихарев-сюда!», а попробуй-ка в одиночку возить эти клятые изоляторы по проклятым сопкам, где острые пеньки поминутно рвут резину – запасок не наберешься, да и на станции не допросишься грузчиков, вот и таскай ящики на собственном горбу подобно ишаку.

Эти жалобные причитания, наконец, возымели действие – Савелло великодушно снизил норму до двух ходок. Жихарев тайно ликовал: теперь между ходками у него выпадало два, а то и три свободных часа. Если Вера была дома – можно было насладиться ее телом и ее пельменями, если нет – сладко дремать в машине, где-нибудь в укромном месте. Погода как раз наладилась, теплый ветерок приятно продувал кабину, мошкара еще не досаждала – Гагры да и только!

Одна такая тайная стоянка нравилась ему больше других: заброшенная колея вела по сопке круто вверх и метров через триста упиралась в завал. Вокруг поднимались могучие амурские сосны и заросли высокого кустарника – тут хоть целую колонну прячь, а сам, если хочешь, поглядывай в просветы меж стволами на шоссе – оно с такой высоты как на ладони.

Вот и сегодня, загрузившись, Жихарев зарулил к своему убежищу. Подложил под голову бушлат, уже настроился на отдых, да что-то ногу судорогой свело, и он решил малость поразмяться. Насвистывая и рассеяно поглядывая по сторонам, нетерпеливо прошелся по давным-давно заброшенной дороге. Та представляла из себя песчано-глиняную насыпь, окаймляющую крутой бок сопки, вдоль подножья которой тянулось бесконечное болото, покрытое изумрудными пятнами кочек и редким кустарником. В одном месте насыпь обрывалась вниз почти отвесно – стеной.

Что-то было во всем этом знакомое... Болото, обрыв... Забодай тебя комар! Ведь по легенде именно с такого обрыва сорвался зимой балбес Ерошкин.

Жихарев остановился на некотором расстоянии от края. До чего же мерзкое болото там, внизу. Однако же, каким надо быть наивным простачком, чтобы поверить, будто с такого вот обрыва может сорваться опытный монтажник, хотя бы и зимой. Просто удивительно, как легко поверили в наспех придуманную байку и Савелло, и все остальные!

Жихарев подошел еще ближе к краю. Ну что, что может случиться с человеком, который идет по такой вот насыпной дороге в поисках сучьев и веток? Ведь не слепой же, видит, что

рядом обрыв , , и незачем туда лезть со своим рылом. А уж сквозь землю тут не провалишься. Насыпь сделана на совесть. Он топнул ногой. Вот такой плотный грунт – хоть танком проезжай. Он несколько раз подпрыгнул, с силой ударяя пятками о землю.

И вдруг... Он даже не успел ничего понять , а только увидел , как вокруг него образуется трещина. От неожиданности он не сообразил отпрыгнуть в сторону , хотя трещина ползла неспешно , вроде сытого питона , перебирающегося из тени на солнечные место. И тут земля ушла из-под ног , обрушился целый участок насыпи. Рот, нос, уши наполнились глиной , и он сплевывал , сплевывал , влекомый вниз мягким , но мощным потоком. Потом словно кто-то могучий резко схватил на лету его ступню и с силой крутанул...

Когда он очнулся , солнце светило так же ярко. Он не знал, сколько времени прошло – минуты и час. Он лежал у подножия сопки на узкой полосе глины. Рядом чавкала трясина. Тело было наполовину засыпано грунтом. Он сделал резкое движение , чтобы высвободиться из этого плена , но оно отозвалось такой болью в спине и левой ноге , что Жихарев не сдерживаясь завизжал, словно поросенок.

Наконец, кое-как он сгреб с себя глину.

От шоссе, до которого было рукой подать, доносился приглушенный гул грузовиков, но Жихарев понял, что его крики и вопли не услышит никто – их погасит стена деревьев, обрыв трясина ...

Он решил ползти краем болота к шоссе. Пополз, волоча ногу , на которую боялся взглянуть , но уже через три метра провалился руками в жижу.

С трудом развернувшись , он пополз назад и вскоре обнаружил , что и там путь отрезан той же жижей.

По сути он находился на небольшой глиняной площадке – полуостровке, который широким клином вдавался в болото , упираясь основанием в отвесный обрыв.

Сгоряча Жихарев решил двинуться напрямик через болото – от кочки к кочке – но тут же глубоко погрузился в вонючую жидкую кашу. Отплевываясь , он пополз назад. Лицо его было в грязи , на губах отвратительный привкус болотной тины.

Отчаяние охватило его , когда он понял , что самостоятельно ему не выбраться. А помощь – когда она придет, и придет ли?

Вряд ли его хватятся раньше завтрашнего утра. Все решат, что он придумал какую-нибудь хитрость , чтобы не делать вторую ходку, и заночевать у Веры. И все будут ругать его по-черному , потому что с трассы придется добираться на попутных, да еще топать до шоссе не один километр. Да, они будут крыть его , Жихарева , последними словами , ничуть не думая что в этот самый час , он , может , погибает. Утром они удивятся , что Жихарева по-прежнему нет. И опять начнется ругань – проспал, мол, Жихарев, так и его разэтак, раскудрить его через коромысло. В конце концов Савеллю поедет к Вере. «Куда же мог подеваться этот бездельник?!» - вот как подумает прораб, узнав, что Жихарева у нее не было.

Потом его начнут искать – на станции, на базе , на трассе. Позвонят в ГАИ. Будут спрашивать местных и леспромхозовских шоферов. Но ни одной душе не придет в голову мысль, что он, Жихарев здесь рядом, в пяти минутах езды от города тонет в вонючем болоте.

И потом ... выдержит ли он хоть бы одну сегодняшнюю ночь, ведь несмотря на весну , ночи страшно холодные, морозные, а он без куртки, промокший насквозь. Кстати, почему он промок? И тут Жихарев с ужасом убедился , что его полуостровок медленно погружается в болото , пропитывается липкой жижей.

И Жихарев завыл от жалости к себе – бесстыдно, безнадежно, впадая в то состояние , когда рассудок покидает еще здоровое тело.

Что-то задержало его у последней черты, где-то далеко-далеко блеснул слабый лучик надежды. Ерошкин ... Ведь эту схоронку, будь она проклята , Жихарев обнаружил еще прошлым летом и как-то раз привозил сюда Ерошкина – в самом начале дружбы. Ерошкин помол-

чал немного, а после принялся внушать : дескать , бригада стоит , ждет такелаж , надо ехать , нехорошо подводить товарищей , и все такое прочее. Он нудел и зудел. В конце концов Жихарев не выдержал, завел мотор.

Этот эпизод потом напрочь забылся, не удивительно ли , что он всплыл вдруг в памяти , да еще так ярко?

Да ,но вспомнит ли об этом Ерошкин? Надо, обязательно надо , чтобы он вспомнил сегодня же ! Надо, чтобы он испытал беспокойство, узнав , что машина не пришла сегодня в гараж. Чтобы не поверил, что Жихарев на полдня отправился ублажать Веру. Он , Ерошкин, должен растормошить Савелло и бригаду, побудить их к немедленному поиску его ,Жихарева.

Слаб ,ох ,как слаб был этот лучик , чтобы осветить им дорогу к спасению , но и он придал Жихареву силы. Видя , что островок намокает все сильнее , он уже не визжит от ужаса , а подполз и принялся сгребать под себя глину.

А захочет ли Ерошкин вспомнить , уколола горькая мысль. Захочет ли беспокоиться теперь , после всего , что случилось?

Жихарев не решался думать об этом. Нельзя сомневаться, надо страстно верить , что пока горит лучик надежды , по нему – почему бы и нет ?- передаются к Ерошкину мысли Жихарева.

Не может быть , чтобы Ерошкин не услышал его отчаянной мольбы. А услышит – обязательно придет!

Солнце между тем садилось и вот уже скрылось за сопками. Холод, таившийся в трясине, как бы обрадовавшись уходу светила ,начал быстро заполнять ложбину. Пальцы Жихарева коченели. Все сильнее ныла спина.

Он переходил от отчаяния к надежде, затем снова к отчаянию и так – по кругу , но крепко держал лучик в сознании.

- Ерошкин... Ну, пожалуйста ...Ладно, я свинья, признаю. Если хочешь – дай мне в морду. Только приезжай, Ерошкин ...

Иногда, впрочем, привычка брала свое , и тогда Жихарев бессильно бормотал:

-Ерошкин! Пьешь себе горячий чай и плевать тебе, что я лежу в этом болоте,замерзаю и скоро сдохну. Ты никогда не был по-настоящему моим другом, Ерошкин!

Но тут же он гнал темные и мрачные мысли. Чего бы он ни отдал сейчас, чтобы увидеть наивную улыбку, услышать громкий голос друга!

- Ерошкин, ну, пожалуйста ...

Потом ему начало казаться, что Ерошкин стоит где-то рядом и слушает. И все теперь зависит только от того, сумеет он уговорить Ерошкина или нет. И Жихарев устыдился.- чего же он боялся все это время : ведь стоило попросить у Ерошкина прощения и все наладиться. А вот теперь требуется совершить невозможное, чтобы стало по - прежнему.

В небе выступили яркие звезды , смолк гул грузовиков , всюду воцарилась ночная мгла , глухо чавкало в болоте. Лицо Ерошкина была рядом.

-Знаешь, что ? – проговорил Жихарев , чувствуя , что наконец-то освобождается от тяжелой злобесной многомесячной ноши. - Если хочешь, можешь оставить меня здесь и уйти. Но только отзовись. Я хочу сказать тебе одну вещь. Скажу, и тогда – все!

Он напряженно вслушивался , но кроме завывавшего гула грузовика и чужих голосов разобрать ничего не мог. Ерошкин молчал. А лучик слабел, слабел , вот-вот и он погаснет совсем. Холод сковал Жихарева. Болото тянулось к нему.

И вдруг лучик ярко вспыхнул, превратившись в ослепительны столб света , бьющий откуда-то сверху.

-Жихарев! – услышал он голос Ерошкина.

И тогда улыбка тронула губы Жихарева. Нет, не о спасении он думал. Он был счастлив , что Ерошкин наконец-то ответил ему. Силы покидали Жихарева, сил оставалось всего на несколько фраз , и нельзя , кощунственно было лукавить сейчас , тратить слов попусту.

- Ерошкин ... - прошептал Жихарев. – Я хотел тебе сказать ... Ты мой единственный настоящий друг. Больше у меня никого нет в целом мире ...

Прошло время. Ерошкин и Жихарев по-прежнему работают в ПМК, на пару метут территорию, сторожат имущество. В бригаду пришли новые ребята, и теперь мало кто помнит, что Ерошкин был когда-то олимпийским богом высоты, а Жихарев – остроязыким провинциальным донжуаном, обрюхатившим десяток женщин. Живут они в одном вагончике. И когда Ерошкина и Жихарева видят вместе, ни одному человеку, даже наделенному богатым воображением, не придет в голову назвать эти сумрачных людей друзьями.

Невезучий

Прораб Виктор Кононов частенько шутил , что если бы проводился конкурс на самого невезучего человека ,заимел бы он чертову уйму призов. И проводил «доказательства».

Ему не везло с пеленок: он и родился-то весом в восемьсот грамм. В розовом детстве дважды тонул, а как-то раз, играя со спичками, едва не сгорел. В деревне, где маленький Кононов гостил каждое лето у своей бабушки по отцовской линии, его до странности часто кусала собака, бодали коровы и лягали лошади.

Со школой Кононов связывали еще менее приятные воспоминания. Стоило ему не выучить урока, как его тут же вызывали к доске. Иногда мальчишки удирали с уроков в кино. Когда мальчишек уличали в содеянном , большинство находило убедительные отговорки. Кононова же отсылали домой за родителями.

В пионерлагере, где Кононов был всего лишь один раз в жизни, он умудрился провалиться в яму , где просидел четыре часа , пока его , сбившись с ног , искали по всей округе.

Когда он , нарядный , шел на выпускной вечер, то под мостом железной дороги его окатило помоями с проходящего скорого.

Кононов до сих пор поезживается, вспоминая, как в студенческие годы, решив подработать , подрядился помочь некоему новоселу. Новосел, однако ,оказался жуликом чистой воды , вознамерившимся чужими руками вынести вещи из чужой же квартиры. И прежде, чем выяснилась полная непричастность Кононова к истинным целям «переселения» , пришлось ему получить хорошую трепку от соседей пострадавшего и вдобавок скоротать ночь в отделение милиции , не говоря уже о рухнувшей надежде на заработок и хороший ужин.

Если он выстаивал долгую очередь , последний – будь то билет на поезд , то ли килограмм колбасы – покупал стоявший перед ним, а стоило ему отправиться куда-либо самолетом, как на двое-трое суток устанавливалась нелетная погода.

О лотерейных билетах , спортлото или «спринте» он и слышать не хотел. И многое еще мог бы поведать Кононов о своей совершенно необычной планиде.

За двадцать лет , с 1964 года, работы в тресте по строительству высоковольтных линий Кононов дорос лишь до прораба то есть поднялся только на одну ступеньку той лестницы ,по которой многие его бывшие однокурсники прошагали уже несколько пролетов. Ничем , кроме невезения, этого не объяснишь, ибо в тресте Кононов был на хорошем счету, имел репутацию исполнительного и надежного инженера. Видимо , именно два последних качества – исполнительность и надежность – сыграла с ним злую шутку, так как Кононову частенько поручали устранять пресловутые недоделки, а то и брак на готовых объектах, то есть исправлять чужие грехи, что требовало немалых усилий и даже виртуозности, но не приносили ни славы, ни премий.

Двадцать лет жизни отдал Кононов родному тресту. Работал в степи и горах, пустыне и тайге, жил в вагончиках, землянках и палатках.

И все же коварные проделки фортуны ничуть не лишили его жизнерадостности. Он даже гордился этим своим «особым даром», отличавшим его от прочих смертных. Рассказывая, он смотрел на собеседника добродушными карими глазами, то и дело массируя узкими пальцами свой костлявый подбородок , и так заразительно смеялся, словно речь шла не о нем, самом, а об анекдотичном персонаже. Постоянное общение с сотнями разных людей сделало Кононова сверхкоммуникабельным. Он всем говорил «ты», с легкостью заводил разговор в автобусах, очередях, на улице- правда , только с мужчинами или же с добродетельными пожилыми леди: молодых женщин Кононов боялся как огня. На то была одна пикантная причина.

Был он удивительно откровенен: если человек ему нравился, то уже через пять минут после знакомства то знал самые поразительные подробности из жизни Кононова. А уж рассказывать Виктор умел – слушатели иногда животики надрывали.

В последние месяцы Кононов «сидел» с бригадой монтажников на Устюрте – вели трассу к будущему совхозу, который намечалось заложить возле железной дороги, все еще пустынной.

Обитали в вагончиках на глухом разъезде, где ничего, кроме небольшого домика, в котором с женой, коровой, овцами и курами жил путевой обходчик – «начальник станции», как себя он величал. Это был щупленький, но довольно бойкий русский старик, который даже в самый неистовый зной с подчеркнутой гордостью носил черную железнодорожную форму и фуражку с путевой эмблемой. Другим обитателем этой самой глухой из когда-либо виденных мною «станций» была жена «начальника» – крупная, рыхлая и весьма добродушная старуха, щеголявшая в синем домашнем халате и тапочках на босу ногу. Жили старики дружно, избегая каким-то чудом ссор даже в этом полном безлюдье и безмолвии. Рядом со своим жилищем – сборным щитовым домиком – они возвели два-три сарайчика из шифера и тарных досок, где развели курей и овец. На подоконнике их домика росли в горшках какие-то цветы. Полагаю, эти цветы, эти куры и овцы были единственными представителями одомашненной флоры и фауны на десятки и десятки километров вокруг. Порой, поглядывая на эту пару, более естественную для российской провинции, Кононов думал о тех неисповедимых путях, которые ведут человека по жизни вопреки его мечтам и надеждам. Одновременно это был потрясающий пример выживаемости русского человека в самых неподходящих для себя условиях.

На западных путях стояла цистерна с водой, которая заменялась раз в месяц. Раз в неделю со стороны Кунграда локомотив прикатывал вагон-магазин с консервами, хлебом, солью и сигаретами.

Ближайший «населенный пункт» находился от нас на расстоянии примерно тридцати километров. По меркам Устюрта, это было действительно бойкое место. Там базировался студенческий строительный отряд из крупного ленинградского вуза. Примерно две-три сотни парней и девчонок. Они устраняли какие-то мелкие недоделки на железнодорожной колее, всё еще не пущенной в эксплуатацию. На Востоке местные жители предохраняются от теплового удара, как известно, нося ватные халаты и каракулевые шапки. Ленинградских студентов, похоже, тепловой удар не пугал. Напротив, их привлекала возможность загореть до черноты. Блондинки из северной столицы щеголяли в бикини, узковатых даже по сегодняшним меркам. Коэффициент площади загара определенно приближался к ста процентам. Надо ли говорить, что все без исключения наши шоферы, вывозившие на трассу детали опор и металлоконструкций, в обязательном порядке сворачивали в студенческий лагерь, имея целый набор предлогов (попросить воды, спичек, йода, чтобы замазать царапину на пальце и т.д.)?! Некоторые устраивали там же мелкий ремонт, стремясь хоть как-то продлить миг очарования...

Но, миновав студенческий лагерь, колея уводила от железной дороги, и теперь до самого Кунграда не было ничего, кроме однообразного, слегка всхолмленного пейзажа.

За три месяца пребывания на Устюрте лишь однажды мимо лагеря гордо прошествовали нежданные странники. Это была семейная пара кочевников, явившихся откуда-то из глубин Устюрта и направлявшихся неведомо куда.

Впереди размеренно шагал поджарый старик в пропыленном ватном халате и в высокой бараньей шапке, такой древний, что его загоревшее до черноты лицо казалось состоявшим из одних морщин. Он ступал с той неторопливой легкостью, какая отличает людей, привыкших ежедневно покрывать пешком многие километры. На поводу кочевник вел навьюченного двугорбого верблюда.

На втором верблюде величественно восседала полная женщина средних лет в длинном темном платье, в черном, расшитом серебряными узорами бархатном жакете и в коричневых ичигах – легких брезентовых сапожках. Ее волосы были повязаны большим цветастым плат-

ком, но широкое круглое лицо, не такое смуглое, как у старика, оставалось открытым, - у кочевников женщины никогда не носили чадру. Надо полагать, старик взял ее в жены еще девочкой.

Замыкал шествие третий верблюд, который нес на себе весьма объемистый груз. Механизатор нашей буровой установки Бури сказал, что это сложенная юрта.

Верблюды ступали след в след, хотя вокруг была необъятная ширь.

Кочевники так и не свернули к нашему лагерю, будто и не заметили нас вовсе. Молча прошествовали в некотором отдалении, бесстрастно пересекли линию железной дороги, как некое досадное препятствие, и вскоре исчезли за холмом.

Для 1984 года это было уже в диковинку.

Был обычный рабочий день. В самый разгар дневной жары к лагерю подрулил на синем самосвале шофер Слава Лешковский, возивший из Кунграда арматуру и изолятор. В отличие от других водителей, предпочитавших пересекать плато по вечернему холодку, ночевать в лагере, а в обратный путь отправляться ранним утром, Слава делал свою ходку в самый неистовый зной и все с единственной целью-оказаться к вечеру дома. Была у него веская причина – месяц назад ан Лешковский женился.

Это был ладный парень, безгранично уверенный в себе, умевший и в мелочах настоять на своем. С его веселого лица, казалось, никогда не сходила широкая улыбка, голос же был тонкий, чуть повизгивающий. Зимой и летом Слава щеголял в берете, оставшемся от службы в десанниках.

Особенно охотно Слава возил разные железки, которые в секунду, можно было вывалить из кузова и тут же отправляться в обратный путь. Но сегодня в самосвале был нежный груз – фарфоровые изоляторы. Чужая, что разгрузка одного груза может надолго затянуться, Слава пустился на маленькие хитрости. Машина еще не успела остановиться, а он, высунувшись из окна, уже кричал Кононову:

- Лексеич! Давай скорее людей на разгрузку! И сам собирайся. Мухой! Тебя Третьяков срочно на базу требует.

- Чего еще стряслось? – кисло спросил Кононов., не любивший неожиданностей, которые, как он отлично усвоил, всякий раз оборачивались очередным сюрпризом.

- Не знаю. Сказано – срочно привезти тебя и все!

(Третьяков говорил Славе: «Передай Кононову, чтобы приехал при первой возможности. Будем принимать новую трассу». Слава рассудил, что большой беды не случится, если он привезет Кононова сегодня.)

- Ну и глупо! – вспыхнул прораб. – Куда на ночь – то ехать? Заплутаем...

- С кем другим, может, и заплутаешь, - рассмеялся Слава. - на моей ласточке домчим, как по расписанию. Не впервой...

Когда, наконец, выехали из лагеря, солнце стояло еще сравнительно высоко. Слава держал машину в исправности, бензину было полбака, а ходу до Кунграда – чуть больше трех часов.

За спиной оставалась кромка невысоких, покрытых солью взгорий. Впереди лежало плато – необъятная всхолмленная равнина, покрытая той же солью, пылью и жухлой травой. Поверхность местами была плотной и твердой, как гранит, местами – растрескавшейся, будто ее поджаривали изнутри. Повсюду виднелись островки пухляка – почти полуметрового слоя мельчайшей пыли, в которой любая машина вязла, как в болоте.

Шофера неизменно объезжали эти коварные места, но стоило проехать по новой колее несколько раз, как пухляк, распространяется подобно раковой опухоли, появлялся и здесь. Поэтому к Кунграду вела целая полоса тянущихся параллельно, переплетающихся и вливающих одна в другую «автострад», по которым, не удалось бы далеко уехать. В некоторых местах этот «караванный путь» под разными углами пересекали такие же степные «шоссе» - следы тягачей, возивших несколько лет назад трубы для газопроводов.

Местность выглядела однообразной, любой участок – точной копией десятков других, и человек, оказавшийся здесь впервые, схватился бы за голову, пытаясь определить стороны света. Тем не менее, в этом кажущемся однообразии опытный шоферский взгляд примечал с полдюжины ориентиров, помогающих безошибочно приблизиться к краю Устюрта: старую, насквозь проржавевшую кабину от «зилка», длинный шест с выцветшей тряпкой на макушке, тригопункт на высоком холме..... За пару десятков километров до Кунграда в зоне прямой видимости оказывалась ретрансляционная вышка, установленная на краю города, у самой границы Устюрта. С наступлением темноты на ее макушке зажигались красные габаритные огни, не заметить которые было невозможно. Впрочем, даже бывалые водители ночью через Устюрт старались не ездить.

Слава безмятежно гнал вперед. Берет лихо заломлен, расстегнутые пуговицы рубахи обнажают широкую костистую грудь, под кожей играют сухие твердые мышцы.

- Пойми, Ляксеич, - толковывал он Кононову, - никак я не могу заночевать в лагере. Маринка всю ночь не уснет. А зачем ей нервы портить – они ей еще пригодятся.

- Да... - усмехнулся Кононов. – Ты – и вдруг идеальный муж. Удивительно.

Слава крикнул и достал сигареты.

- Закуривай... - После паузы произнес: - Погулял я, конечно, с девчушками... Только скажу тебя откровенно, Ляксеич, никакого интереса в этом никогда не находил.

- А чего же тогда гулял, девкам в трусы лез?

- Так мода такая пошла. Чем больше у тебя женщин, тем, вроде бы, и уважение больше. Да и те же женщины не против. Женские трусы от наших, мужских, эээхх, как отличаются.

- Выходит дело в трусах и моде?

- Выходит, - кивнул Слава. - Однажды, помню, новая парикмахерша появилась в городе. Беленькая такая, на прибалтку похожа. И вот подходит ко мне на улице Колька Китель и заявляет, чтобы я на нее не смел даже глаз поднимать. Она мне и не нравилась вовсе, но после таких слов... Вот Колька с друзьями однажды и подстерегли меня. Приперли, понимаешь, к забору. Я ощупал рукой доску, в ней гвоздь торчит. Вытащил его рывком, выбрал по глазам самого трусливого парня, да как брошусь со страшной мордой, как заору «Убью!!!». Вся компания - врассыпную. – Слава рассмеялся. – Потеха! – Потом посерьезнел. – А я ведь чего хотел? Чтобы была на свете девчушка, которую я любил бы и чтобы она любила меня. Я тебе, Ляксеич, честно скажу, встретил бы я и Марину в те времена, никто в городе про мои «подвиги» и не слыхал бы.

- Парень ты хват. Марину, я слыхал, тоже кулаками добыл?

- Вот ведь врут люди, а! – рассердился Слава. – Кулаками добыл! Да ты спроси в милиции, пускал я хоть раз после армии кулаки в ход? – Он потер грудь. – А дело было так. Из Ташкента приехали эстрадники. Давали концерт в доме культуры. Марина с матерью шла после концерта через рощу и там к ним привязались какие-то типы, денег требовали и кое-что еще. А я как раз мимо проходил. Здоровые, правда, были ребята с ножичками. Применил я против одного болевой прием и – точка. Потом коленкой под зад и – адью! Второй свои ходом подался. Женщины перепугались. Проводил я женщин до дома, на чай меня пригласили. Вот так и началось...

Несколько минут было тихо. Машина уверенно летела вперед. Вдруг Кононов начал улыбаться все шире и шире, потом со вкусом хохотнул.

- Ты чего? – не понял Слава.

- Да вот вспомнил, как я со своей женой познакомился. Я тебе не рассказывал? Это же, брат, комедия, чистое кино. Был у меня в студенческие годы дружок из университета. И вот как-то на день рождения. Жил он в общежитии. Ну, какое у студентов застолье? Сварганили мясо, салат из помидоров, купили «сухаря». Досталось каждому по два стакана, но меня эта доза укачала вусмерть, я ведь не пил почти. Вышел я в коридор, чтобы проветриться, и тут начало ко сну клонить. И все мне, понимаешь, представляется, будто я в своем общежитии.

Ладно, думаю, пойду к себе и прилягу. Но это я у себя - то жил на втором этаже, а здесь второй этаж был девичий. В комнате никого не оказалось, я рухнул на кровать и задремал. Вдруг – визг, беготня, двери хлопают. Открываю глаза. Какой-то здоровенный парень хватает меня за грудки, приподнимает и трясет в воздухе. А второй, интеллигентный вроде – в очках, дает такой совет: «Здесь не нужно, отведем в другое место, подальше...» И какие – то девицы смотрят на меня с испугом, не то с жалостью. Одна особо запомнилась – с желтым хвостиком. Так стыдно стало – слово сказать не могу. А парни уже потащили меня из комнаты. Не знаю, чем бы дело кончилось, если бы на лестнице не столкнулись с Рустамом, ну, с тем мой дружок...

Ржавая кабина ЗИЛа скрылась из вида. Слава уже повернул к Кононову смеющееся лицо, намереваясь отпустить соленую шутку... И тут что-то произошло. Чертыхаясь, Слава тормознул, вылез из кабины и забегал вокруг самосвала.

- Что такое? – последовал за ним Кононов.

В заднем баллоне торчала здоровенная скоба.

- Откуда она взялась? – воскликнул Кононов – Раз, помню, под Андижаном мы ставили опору на пашне. Везем такелаж. Вдруг точно взрыв – машину в сторону бросили. Смотрим, из земли борона торчит. Все четыре ската проколоты. А запаска всего одна, и дело к вечеру, а тут еще дождь пошел. Ох, и намучились...

Пока он рассказывал, Слава быстренько достал инструмент, запасную камеру. Вдвоем они принялись за дело, и минут через сорок все было готово.

- Ну, вперед!

- Куда – вперед? – выпучил Кононов глаза. – Солнце – то смотри где? А отъехали мы всего чуть.

- Непись, Лексеич! Только вперед! – спорить было бесполезно.

Тем временем нижний край солнечного диска коснулся линии горизонта. Диск был красный и огромный, но полагаться на его величину не стоило - на-Устюрте темнеет быстро.

- Непись, Лексеич! – повторил Слава. – Нам еще километров сорок продержаться, а там и кунградская вышка покажется. Дай только этот холм объехать, а то я днем едва здесь не засел. Пухляк – страшное дело – метр глубиной!

Они проехали по ложбинке. Темнело с каждой минутой. Где – то в стороне мелькнул огонек.

- Неужели вышка? – засомневался Слава. – Вроде рановато.

Огонек двигался. Он мелькнул еще раз и пропал.

- А, это свой брателло – шофер добирается до города.

Они поднялись до вершины пологого холма. Диск уже уплыл на покой. Небо впереди было светло – пепельным. Над головой виднелся кусочек ослепительной голубизны, но сзади стремительно надвигалась непроницаемая черная пелена, лишь кое – где разбавленная двумя дюжинами звезд.

- Ну и как у тебя дальше – то складывалось? – спокойно продолжал Слава. – После того, как тебя из женской комнаты выкинули?

- Как, как... - буркнул Кононов, с тревогой вглядываясь вперед. - Университетское общежитие я потом седьмой дорогой обходил. Но однажды в трамвае столкнулся нос к носу с той – с желтым хвостиком. Я ее сразу признал, она меня тоже. Оба покраснели, но поняли, что молчать глупо. Ну, слово за слово... - Он вздохнул. - Вот уже две дочери у нас, старшая в институте... - Помолчав, затем резко обернулся к Славе: - Слушай, давай назад а? Чует мое сердце...

При последней фразе Слава рассмеялся.

- А сказать тебе, Лексеич, почему ты невезучий? Потому что слишком осторожничаешь. А ты действуй решительно, напирай – вот тогда удача всегда будет с тобой.

Кононов покрякал, потер длинный подбородок, потянулся за новой сигаретой, хотя в кабине было и без того накурено.

- А может, я не желаю.

- Как это?

- А вот так. Знаешь, сколько я из – за своего невезения хороших людей в жизни встретил? Э-э , дружок... Взял хотя бы прошлый год, когда я на курорт ездил. Все складывалось отлично – путевка, комната, море, погода. Так было хорошо, что мне стало даже подозрительно. Нет, думаю, что-то обязательно должно случиться. И точно. На обратном пути вышел на станции за лимонадом – возвращаюсь , а вещички мои - тю – тю. И такой , понимаешь, гаденький воришка попался – ничем не побрезговал. И пиджачок прихватил и даже туфли. Остался я в майке, трико да тапочках на босу ногу. Денег – 70 копеек – сдача с рубля за лимонад. Сижусь как «король на именинах», а весть уже пронеслась по всему поезду. Эх, думаю, и начнут же сейчас надо мной все потешаться! Смотрю, заходит в купе незнакомый пассажир – принес рубашку, у него лишняя.

Второй сандалии несет, третий брюки... А одна пожилая пара предложили пожить у них на даче в Малаховке, пока я перевод от своих не получу.

- Профессор? - хохотнул Слава.

- Нет, обыкновенный конструктор – инженер. Всю Москву мне показал. Жена у него – Евдокия Михайловна, ох, и умная баба... А рассуди – не обокрали бы меня, доехал бы я до дома спокойно, так и до самой смерти и не узнал бы, что есть на свете такие хорошие люди. Это тебе один случай , а сколько было этих случаев у меня, и сколько людей через них понял! Нет, брат, я от своего невезения не отрекнусь!

- Чемоданишко – то твой нашелся?

- Ищут ! – Кононов улыбнулся. – Да черт с ним, с чемоданом! – И добавил убежденно:

- Правильно говорят – человек познается в беде. Вот взять хотя бы нашего нового парнишку – Серегу .

- Неприметный такой?

- Левая ладонь у него перебинтована, заметил? А знаешь, почему? Он дежурный был, обед готовил. Сварил суп и хотел подвинуть кастрюлю на край плиты. А кастрюля – о скользнула по решетке и полетела на пол. Так он ее, раскаленную, голыми руками подхватил. Правда, в правой было полотенце, а левая голая. Он о бригаде думал, понимаешь? Чтобы ребята не легли спать голодными. Скажешь, пустяк?

- Лексеич, он просто неуклюжий, а ты его и расхвалил.

- Ловкость – что! Ловкости он еще научится! А вот товарищей своих уважать, думать о них – это , брат , другое...

Слава, щурясь вглядывался в темень.

- Пора, вроде бы, вышке показаться.

Фары неожиданно высветили неглубокую, но с крутыми откосами ложбину.

- Это еще что такое? - Слава уверенно свернул вправо, однако тут же остановился. Колея вела обратно.

- Наверное, здесь объезд, - решил он, разворачивая машину. – Ничего, не через весь же Устюрт тянется.

Ложбинка, однако, оказалась извилистой и очень длинной. Ехала – ехала , а конца ей все не было.

- Чертовщина какая – то...

- Вот что! – решительно выдохнул Кононов. – Глуши мотор, пока бензин есть. Переночуем, а утром осмотримся.

Слава колебался всего секунду...

- Не бойсь... Прорвемся, Ляксеич! Примем чуточку левее и – вперед! Кунград рядом, я чую. Вперед!

Наконец ложбинка кончилась. Следы, однако, вели не в объезд ее, а куда – то в глубь плато.

- А ты все таки послушай меня, старого скептика, - ответил Кононов. – Заночуем здесь – завтра обязательно будем дома. А заплутаем ночью – без бензина и утром не выберемся. Машины по Устюрту ходят редко – сам знаешь. Пока хватятся, пока искать начнут – пройдет неделя.

Однако на Славу это не подействовало. Он решительно прибавил газу.

- Вот будет смеху, когда утром выяснится, что мы ночевали у самого Кунграда. Скажешь тоже – неделя. Не могли мы так отклониться. Вперед!

Метров через пятьсот колея свернула, казалось, в нужном направлении.

- Ну, вот, а ты боялся.

Кононов только вздохнул.

- Э-э, дружок... Я ведь однажды ночевал на Устюрте. И то ехали мы вдоль газопровода. Точно на минуту потеряли его из виду – объезжали пухляк. А после искали этот газопровод, считай, двое суток. Хорошо, запас бензина был. И вода.

- Ладно, Лексеич. Не каркай! Расскажи, что –нибудь лучше веселенькое.

- Веселенькое? Веселенькое со мной в жизни приключалось предостаточно. – покладисто отозвался Кононов. – Вот в Костроме дело было. Тянем трассу через лес, по которым еще Иван Сусанин ходил. Грибов там, особенно груздей – ужас! Стояли мы в большой деревне, посреди этих самых грибов и лесов. Я квартировал в одной семье – дяди Павла и тети Маши. Жили они вдвоем, дети разъехались. В деревне была небольшая бумажная фабрика. На ней и работали мои хозяева. Возвращаюсь я однажды с трассы. Окна темные - значит, хозяева во второй смене. Вхожу я в сени и тут слышу, как по дому кто-то ходит. Крадучись. Вышел я во двор, осмотрелся. У соседей свет горит, а здесь темно. Я бегом на фабрику, благо, та рядом. Вызываю тетю Машу, говорю «Кто – то ходит у вас по дому». А она благодушно: «Да это кот, наверное». Кот! Переубеждать ее не стал, а бегом к нашим ребятам. Собрал человек десять, вооружились мы чем попало и двинулись всей гурьбой к дому. Подходим – окна темные но внутри кто – то ходит. Хотели мы уже ворваться в комнату и вязать грабителя но тут вспыхнул свет. – Кононов рассмеялся. – Оказалось младший сын хозяев прибыл из армии на побывку. Решил сделать родителям сюрприз и заранее не сообщил. В доме никого не застал решил форму выгладить чтобы предстать перед отцом и матерью во всей красе включил уют – вдруг пробки перегорели...

- Смотри! – резко выкрикнул Слава.- Поселок!

Фары высветили из темноты мрачные строения увенчанные куполами. Никакого поселка в этой части Устюрта не значилось. Через минуту путники поняли что перед ними мазар – старое заброшенное кладбище.

- Все, глуши мотор, - с облегчением произнес Кононов. – Знаю это место. Сто километров от Кунграда. А может и больше.

- А до лагеря?

- Все полтора.

- Врешь!

- С какой стати?

Побледневший Слава стащил с головы берет.

- Бензину осталось несколько литров. Не хватит ...

- Переночуем, - бодро проговори Лексеич. – А там видно будет. Утро вечера мудренее.

- Что – видно будет?! – возопил Слава. – Я тебе ясно говорю – бак пустой.

- Может, попутная какая проедет, - теперь, когда они по- настоящему влипли, Кононов на удивление выглядел спокойным. – Должно же и мне когда –нибудь повезти...

Слава, чертыхаясь, выскочил из кабины, сломал длинный стебелек и замерил уровень бензина. Вернулся он мрачный.

- Не на кладбище же ночевать, - и отогнал машину в степь.

Он долго молчал, уронив голову на руль, потом заворчал на Кононова:

- Больше в мою машину не садись. Хоть умирай – не повезу! Слышишь?

- Дурень, - рассудительно отвел Кононов. – Сказано тебе было – переночуем в лагере.

Оба вылезли из кабины. Слава нервными шагами ходил взад – вперед. Было очень темно. Доносился протяжный вой, будто завывали шакалы, хотя никаких шакалов на Устюрте не водится.

- Ветер, - пояснил Кононов. Потом встал на заднее колесо и пошарил в кузове. Выбросил несколько ящиков из – под изоляторов, кусок толстой проволоки, опустил флягу с водой.

- Это я на всякий случай захватил, мало ли что... Ученый... - говоря так, он взялся соорудить из проволоки треногу.

Слава молча наблюдал, как Ляксеич доставал из выдавшего вида портфеля котелок, консервы, хлеб, как отщепил от ящика несколько лучинок, разводил костер.

Привлеченный магической силой огня, Слава подошел и сел рядом. Конов улыбнулся ему, языки пламени высветили длинное спокойное лицо.

- Ничего, сейчас закусим, перекурим да будем устраиваться на ночлег. В кабине, между прочим, отлично можно выспаться.

Слава проснулся с первыми лучами солнца. Кононова в кабине не было. Его тщедушная фигурка виднелась на вершине ближнего холма. Вот прораб спустился к машине. Во рту торчала неизменна сигарета.

- Я сориентировался по солнцу, - сказал он с таким видом словно это решило все проблемы. – Ехать – туда.

Слава не реагировал. Вид у него был разнесчастный.

Кононов хмыкнул, затем смерил Славу насмешливым взглядом и подчеркнуто спокойно произнес:

- Не поленись, дружок, прыгни в кузов. Там под брезентом канистра с бензином. Захватил вчера на всякий пожарный...

До Славы дошло не сразу. Но уже через минуту это был всегдашний Слава – настырный, уверенный в себе...

- Что же ты... - он с трудом сдержался, чтобы не выругаться и не броситься на прораба с кулаками, - что же ты мне всю ночь голову морочил! Нервы трепал, а? Сразу не мог сказать?

- Чего захотел! – парировал Кононов. – Ты бы и гнал машину всю ночь напролет, пока все до капли не спалил бы. Уж я – то тебя знаю...

Но Слава уже гремел сапогами по кузову.

Кононов блаженно улыбался.

- А ведь и правда – невезучий ты человек. – послышалось с кузова. – Дырявую канистру взял.

- Как дырявую? – Кононов страшно побледнел.

- Канистра – то дырявая, - продолжал Слава, - да ты ее, видать, впопыхах положил горловиной вниз. Литра три вытекло – не больше.

Кононов выдохнул:

- Первый раз в жизни повезло!

Невозмутимый

О невозмутимости крановщика Миши Павлова ходили легенды.

Будто бы однажды в жаркий день Миша остановил свой автокран в безлюдном месте у канала чтобы искупаться. Ехавший вместе с ним бульдозерист Гена первым бросился в воду, но тут же резко выскочил на берег, повторяя с дрожью: «Змеи! Там змеи!»

И точно – по водной глади скользили две змеи. Миша задумчиво посмотрел на них, аккуратно сложил под кустом свою одежду и со словами: «Места всем хватит!», - спокойно вошел в воду.

В другой раз по недосмотру молодого монтажника с приличной высоты упала увесистая гайка, угодив «по закону пакости» Мише в плечо. Крановщик только крикнул, потом, подняв голову, негромко произнес: «Спасибо, друг, что кувалду не уронил».

Десятки подобных историй о Мише я услышал задолго до знакомства с крановщиком, и когда работа свела нас на одном участке, с повышенным интересом начал присматриваться к этой оригинальной личности.

Внешность Миши как нельзя лучше соответствовала его характеру: внушительная фигура, серые глаза, в которых не отражалась ни малейшего всплеска душевной бури, твердые губы, раздвигающиеся лишь для того, чтобы произнести короткую, похожую на афоризм, фразу. Большой, с горбинкой нос и крутой подбородок дополнял портрет крановщика, убедительно свидетельствуя о том, что этот человек знает себе цену.

Работал он также невозмутимо. Медленно обходя груз, предназначенный к подъему, Миша замирал, скрестив руки на груди, и долго о чем – то размышлял, не обращая ни малейшего внимания на настойчивые советы монтажников. Наконец, приняв решение, подгонял кран к намеченной точке и показывал толстым, как огурец, пальцем, где именно следует цеплять крюк. Бывало, с ним не соглашались – Миша никогда не спорил. Он попросту терпеливо ждал, когда монтажникам надоест переубеждать его.

Казалось, Мишин характер передался и крану – тот поднимал груз неторопливо, без рывков. И почему-то всегда получалось, что та бригада, в которой работал Миша, успевала за день больше других.

Абсолютно со всеми Миша был на «ты», но никто не упрекнул бы его в недостатке вежливости. Он никогда не ругался, не употреблял «соленых» словечек: редко заговаривал первым, но если его втягивали в беседу, мог поддержать разговор едва ли не на любую тему.

Читал он каждую свободную, читал все от классики до детективов, кроме стихов. Прочитанное оценивал по двухбалльной шкале – «хорошая книга» или «мура».

Запас его душевного равновесия казался неисчерпаемым. Невозможно было представить, чтобы Миша рассвирепел. Но однажды...

... В то лето наша бригада строила высоковольтную линию у побережья Арала. Свой лагерь мы разбили на краю большого рыболовецкого поселка.

В ближайшем от наших от наших вагончиков дворе жил старик, потомок уральских казаков – староверов. Несмотря на возраст, он сохранил стройность и подвижность. Его висячие, все еще черные усы создавали впечатление, что старик постоянно улыбается мудрой, всепонимающей улыбкой, хотя в прищуренных карих глазах угадывалась хитрость. Звали его Никон Аристархович, мы же прозвали его дядя Коля и без долгих вступлений предложили присматривать за нашим скарбом на правах сторожа. Дядя Коля согласился, тут же нацарапал под диктовку заявление и стал полноправным членом нашего маленького коллектива.

В один из первых дней случилось так, что дядя Коля здорово рассерчал на Мишу. Дело было вот в чем. Зашел степенный разговор о мирной жизни, Арале, рыбе. Наш крановщик, вставил всего одну фразу о том, что читал где – то, мол, некоторые ученые предлагают вообще

махнуть рукой на Арал: пусть, мол, мелеет и дальше, а когда высохнет совсем – сеять на освободившейся площади хлопок и рис.

Как тут разволновался дядя Коля! В страшном возбуждении он крикнул, что такие ученые хуже шакалов. Говорить так – все равно, что желает смерти родному отцу. Как только язык мог повернуться?! Лучше бы ему отсохнуть! Да!

Миша в своей обычной манере хладнокровно ответил, что лично ничего против Арала не имеет. Пусть плещется. Просто он рассказал то, о чем читал. А лично он – за природу. За то, чтобы ей меньше вредили. А то вот детишки учат сейчас в школе, что нашу страну омывает четырнадцать морей, так что же – учебники переделывать, если одно из морей пересохнет? Должен быть порядок. И с морями, и с учебниками.

Но и после этого исчерпывающегося объяснения дядя Коля несколько дней косо поглядывал на Мишу. Однако продолжалось это недолго. Есть некая закономерность: если два хороших человека начали знакомство с нелепой стычки, то впоследствии оба стремятся загладить неловкость, ищут пути – каждый по – своему – к примирению. Случай с дядей Колей и Мишой лишний раз подтвердил это правило. Постепенно они сдружились и между ним воцарилось трогательное согласие. Миша помогал дяде Коле по хозяйству: то подвезет к его огороду бочку с водой и сам же польет грядки, то подправит покосившиеся жерди, то нарвет в степи травы для козы – единственную живность, которую держал старик.

Дядя Коля платил Мише взаимностью. Когда бригада возвращалась с трассы, первым, кого мы видели, был старик, высматривающий с пригорка Мишин кран. Первая пиала чаю, который заварил по вечерам наш сторож, предназначалась Мише.

... Как – то вечером, едва мы вернулись с работы, дядя Коля поднялся в вагончик. Он долго справлялся о здоровье, делах, затем, прижав руку к сердцу, неожиданно пригласил всех на гуляш, всем своим видом демонстрируя, что об отказе не может быть речи.

Мы наперебой принялись расспрашивать старика, что за событие тому причиной. Но он только улыбнулся в ответ.

В конце концов предложение было принято.

К маленькому низкому домику, где жил дядя Коля, примыкало несколько построек, в одном из которых содержалась лелеемая стариком коза. В единственной комнате домика посредине комнаты стоял стол и вокруг стола с десятков табуреток.

Первым делом, как положено, дядя Коля пустил по кругу пиалы с зеленым чаем. Вскоре появилось и главное угощение – гуляш, салат, лепешки Мы принялись ублажать желудки.

Подняв голову, я внезапно встретился глазами с Мишей. Он сидел напротив, и лампочка, свисавшая с потолка на длинном шнуре хорошо освещала его лицо. Помню, как в первый момент меня поразило напряженное, я бы даже сказал, угрюмое выражение, сквозившее во взгляде крановщик. Тарелка перед ним была пуста, а ведь Миша никогда не жаловался на отсутствие аппетита.

- Миша, почему не кушаешь? – заботливо спросил старик.

- Порядок, отец! – кивнул Миша, наполняя тарелку.

Через два часа мы прощались с гостеприимным хозяином. Старик задержал меня каким – то вопросом. После короткой беседы я вышел и уже на за порогом столкнулся с верхолазом Жакслыком, гибким, как лозинка. По его виду я понял: случилось нечто чрезвычайное...

- Там... Миша повесил Палилова! – тонко вскрикнул Жакслык.

Я бросился через порог.

Но прежде чем продолжить рассказ – несколько слов о Палилове.

Есть удивительный сорт людей, которые вроде бы должны знать, что окружающие терпеть оных двуногих не могут, но ведут себя так, будто они всеобщие любимцы. Они и рот любому заткнут, и последний кусок с общего стола не постесняются положить в тарелку, а когда кру-

гом виноваты, мгновенно найдут сотни причин для оправдания. Леня Палилов был из этого малопочтенного племени.

Вообще-то парень он был видный. Каштановые волосы, выющиеся крупными кольцами, прямой короткий нос и глубокие глаза навывкате придавали ему сходство с мифологическими героями. Но выгодное впечатление блекло, стоило узнать Леонида получше.

В жизни он свято чтит две заповеди. «Наглость – второе счастье» и « Кто смел – той съел». Иногда его ловили за руку, но Палилов, вытаращив глаза и развернув плечи, так самозабвенно орал: «Да я же пошутил!!!» - что пострадавший волей – неволей отпускал его с миром, дабы не прослыть человеком, лишенным чувства юмора.

Кроме того, Палилов был патологически одержим страстью пакостить по мелочам.

Удивительно ли, что от него старались избавиться при первой возможности? Поэтому Палилов кочевал из бригады в бригаду. Товарищей у него не было – только собутыльники.

... Я пробежал через двор.

Палилов висел на старом тутовнике, что рос у самой калитки. Был он, конечно же, живехонек, а висел на толстом суку на вороте собственной куртки. Та, застегнутая на все пуговицы, врезалась ему под мышками в тело. Палилов барахтался и ругался – все, чем можно заниматься в подобном положении.

Общими усилиями мы сняли его с необычной вешалки. А потом мне рассказали, что произошло.

... Выйдя от старика, монтажники неторопливо двинулись к вагончикам. Несмотря на поздний час, спать никто не помышлял. Всем было весело.

- Миша, спасибо твоему деду! – крикнул кто – то, будто именно крановщик устроил сегодняшнее угощение.

- Спасибо, Миша! – раздались и другие голоса. Послышались смешки, кто – то шутлив поклонился.

- Нашли, кого благодарить! – ухмыльнулся Палилов. – Лучше мне спасибо скажите. Если бы я не намекнул старому, что долг платежом красен, дождались бы вы гуляш, как же!

- Значит, это ты? – как бы утверждаясь в своих догадках, спокойно спросил Миша.

- Я! – хвастливо воскликнул Палилов. Он никогда не боялся слава ловкача и пройдохи. – Сторожом его оформили? Огород ему поливаем? Воду возим? Траву для козлины рвем? Вот я и намекнул. От твоего имени. Ничего, не обеднеет старик. У них здесь у каждого по мешку денег.

Излишне говорить, что сам Палилов ради старого казака палец о палец не ударил.

- Выходит, ты – от моего имени? – по – прежнему спокойно переспросил Миша, но почему – то благодушное настроение у всех как рукой сняло.

- Да я же пошутил! – взвизгнул Палилов, по – гусиному вытягивая шею. – Ей – богу, пошутил! Откуда я знал, что он шуток не понимает?!

- Ну, да, - сказал Миша. – Ты ведь у нас шутник. Но дай – ка и мне пошутить! – Тут он легонько подхватил Палилова двумя руками и повесил воротом на сук, на который мы обычно вешали сетку с провиантом, чтобы ее обдувало ветерком.

Затем Миша повернулся и непривычно быстро зашагал прочь, так резко толкнул калитку, что та жалобно скрипнула, едва не рассыпавшись на доски. Его крупная фигура совершенно растворилась в темноте, откуда через несколько секунд донесся громкий звук, похожий на выстрел, заставивший монтажников вздрогнуть. Тут же послышалось урчание мотора, автокран тронулся с места. Все поняли, что за «выстрел» прозвучал – это Миша с силой захлопнул дверцу крана. Снятый с дерева Палилов зывал то к одному, молил другого, демонстрируя разорванный ворот куртки, но, не встретил поддержки, а напротив – чуя растущую неприязнь, счел за благо уйти в тень.

Тем временем из дома вышел ничего не заметивший дядя Коля. Он проводил нас до вагончика, не переставая улыбаться, поискал глазами Мишу, но расспрашивать не стал, решив, видимо, что тот отправился на боковую.

Мы оказались в достаточно пикантном положении: не объяснять же старику, что Палилов действовал по собственной инициативе.

Тревожило исчезновение Миши. Когда невозмутимого человека выводят из себя, его дальнейшее поведение непредсказуемо. Что же будет? Я терялся в догадках?

Миновала полночь, когда за окном метнулся свет фар. Вплотную к вагончику подъехал кран.

В кубрик вошел Мишу. У меня несколько отлегло от сердца, когда я увидел его спокойное лицо. В правой руке он держал конец натянутой веревки. Обведя взглядом бригаду, он дернул за веревку и посторонился. Мы увидели... козу.

- Ну, вот ... - удовлетворенно вымолвил Миша.

- Что это?

- Коза, не видите?

- Но зачем?

Миша вздохнул:

- Деду нужно отдать. Его – то козу мы только что с вами, извините, сожрали. Мешок денег... Нашел миллионера! – Он посмотрел на меня. – Ты ,мастер, вот что... Передай завтра деду эту тварь божью и как – нибудь поаккуратнее втолкуй, что это, мол, премия за охрану вагончиков. Будто так и положено. Но старик обидится... Уж я - то его знаю.

- Но где ты ее взял?

- Все законно, - успокоил Миша, - Подкатил к одному местному мужику. Ничего, столковались...

Несколько месяцев спустя мы с Мишей ехали с рыбалки – оба были заядлыми рыболовами. Миша уверенно вел мотоцикл по узкой грунтовой дороге. Уже показались вдали зеркала озер, в зарослях камыша сновал ветерок.

Мне отчего – то вспомнился тот случай на Арале.

- Интересно, как там дядя Коля поживает?

- Дед – то? Ничего, живет, - отозвался Миша. – И коза живет. Козлята уже у нее... - Он добавил что – то еще, но ветер отнес слова в сторону.

И в этот момент впереди неожиданно вынырнули «Жигули», перекрыв дорогу. Потерянная секунда решила дело. Тормозить было поздно. Миша резко свернул в лево, где тянулся крутой откос. Мы кубарем полетели вниз. Когда, оглушенный падением, я пришел в себя, «Жигулей» и след простыл.

- Кости целы? – прихрамывая, подошел ко мне Миша.

- Вроде бы...

О поднял перевернутый мотоцикл, осмотрел его и с неподражаемой улыбкой сказал:

- Порядок! Главное – червей не рассыпали.

Мятежный

« Проклятая труба... » - тоскливо думал Виктор Малышев, недавний выпускник вуза, а ныне строительный мастер, стоя на берегу широкого канала с крутыми откосами.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулся однообразный пустынный массив, к освоению которого приступили несколько лет назад. При этом, как писали газеты, было допущено отступление от комплексного метода. В степь пришла вода, здесь заложили совхозы, но затем что-то застопорилось. Почти вся вода терялась впустую, новоселы уезжали обратно, совхозы хирели. Степь по-прежнему лежала такой же унылой и безродной, как до освоения. И это в год принятия Продовольственной Программы.

И все же плацдарм существовал. И недавно люди начали с него новое наступление.

Бригада монтажников, где Виктор был мастером (мастером по должности, но, увы, пока не по квалификации), вела линию связи в самый центр массива. Как раз за каналом надлежало построить распределительный узел, откуда столбам предстояло веером разбежаться к начавшим медленно оживать хозяйствам.

Вчера установили последний столб перед каналом затем перегнали технику на новую стройплощадку через мост, что был в трех километрах вверх на течении. Хотели было прицепить к трактору и жилой вагончик, да передумали. Как – никак лагерь был обжит, устроены навесы, кухня, умывальник, все такое прочее. Зачем же налаживать все это заново? Тем более, что перейти на ту сторону не проблема: будто по заказу рядом с трассой через канал была переброшена труба –не слишком широкая, но и не тонкая.

Монтажники не раз наблюдали, как жители двух соседних совхозов легко и непринужденно переходили канал по трубе, а позднее и сами благополучно освоили этот своеобразный мост, совершая вылазки в совхозные магазины.

Виктору тоже приходилось бывать в совхозах, но всякий раз подворачивалась машина, так что по трубе он еще не ходил.

Сегодня утром бригада в полном составе двинулась на ту сторону , чтобы, как говорится, заложить первый камень.

Виктор, спохватившись, что не захватил нужные чертежи, вернулся в вагончик и потому к трубе подошел последним.

Труба была покрыта толстым, заметно расплюснутым попереху слоем смолы который образовал дорожку как раз по ширине ступни.

Ступив на трубу, Виктор сделал два – три шага и ...замер. Труба чувствительно раскачивалась. Канал показался ему вдруг необычно широким, расстояние до воды – головокружительным. Он понял, что не сделает больше ни шагу.

- Мастер! Давай чертеж! – крикнул с того берега бригадир Загидулин.

Рабочие, занимающиеся до того калибровкой арматуры, как по команде подняли головы и посмотрела на Виктора.

Наверняка никому из них не пришло в голову, что Виктор испугался. Просто задумался человек и стоит. Они ждали. А он, представив ухмылки и насмешки, когда истина откроется, ощутив еще более большую скованность. Страх перед трубой и стыд перед скорым разоблачением полностью парализовало волю. Еще секунда и ...

- Мастер, куда стойки сгружать?

Он стремительно обернулся. На самосвале привезли конструкции для будущего узла, и шофер по привычке подъехал к лагерю.

- Я покажу.

Кое-как переступая, он добрался до спасительного берега и бросился к машине.

Потом он наблюдал за рабочими – не догадались ли о его страхе? Кажется, нет...

Но он знал, что это передышка – временная. Через несколько часов надо будет переходить трубу – возвращаться к вагончикам на обед.

Он разметил котлован, буровая установка высверлила круглые ямы в глинистой почве, монтажники принялись устанавливать железобетонные стойки, полностью сосредоточившись на работе. Воспользовавшись этим, Виктор подошел к трубе.

Надо же, чтобы она оказалась именно здесь!

А впрочем, разве дело в трубе? Его страх перед трубой – лишь еще одно доказательство того, что он, Виктор Малышев – слабовольный и ничтожный человек, не способный сладить даже с пустяковой трудностью, не говоря уже о том, чтобы серьезно противостоять негодяю, этому воплощению зла, каким был в глазах Виктора прораб Сауткин. Не будь трубы, нашелся бы другой повод почувствовать еще раз собственную никчемность.

Возможно, начало трудовой биографии Виктора Малышева сложилась бы иначе, если бы не его непосредственный начальник-прораб Сауткин – остроскулый, резкий человек с жестким глазами и сардоническим изгибом тонких губ.

Отношения определились в первый же день.

Узнав, что Виктор, назначенный мастером на его участок, не имеет ни малейшего практического опыта, Сауткин насмешливо произнес (Виктор при этом смущенно улыбался, как бы давая понять, что и ему неловко за свою неопытность):

- Ты. Парень, слабак, и толку от тебя не будет. Ни сейчас, ни потом. По глазам вижу. Можешь мне поверить. Я повидал в жизни уйму народа и уж кое-как научился разбираться в людях. Запомни главное: мне глубоко плевать, что ты там воображаешь о себе. Здесь ты будешь делать то, что я тебе прикажу. – И, выждав паузу, пренебрежительно поинтересовался: - Как зовут- то? Виктором, говоришь? – Отступив на шаг, еще раз оценивающе смерил новичка колющим глазами. Усмехнулся: - Ну, какой же ты, Виктор? Витюшка ты!

Затем повернулся и ушел, оставив ошеломленного Виктора, так и не нашедшего достойного ответа. Позже Виктор узнал, что Сауткин таким странным способом пробует новичков «на зуб», и худо приходится тем, кто не сумел дать должного отпора. Также он узнал, что у Сауткина в управлении кличка «Полковник Уэрта», главного врага благородного героя Алена Делона из фильма «Зорро». Внешне, и морально, Сауткин был копией полковника.

За последующие полгода Сауткин превратил жизнь Виктора в кошмар, каждую встречу в – в пытку. Виктор пробовал огрызаться, но чудовищная самоуверенность прораба казалось несокрушимой. Все попытки Виктора хоть как-то отстоять свое достоинство кончались поражением. С каждым днем он все определеннее чувствовал себя беззащитным кроликом, которого с неведомой целью гипнотизировал удав- Сауткин.

Виктор был настолько подавлен, что даже бригадир Загидулин, человек молчаливый и скрытный, сказал ему однажды, наедине:

- Надо бы тебе, мастер, позубастее немного. Хороший ты парень, да мягковатый. Сожрет тебя наш полковник, и не подавится...

Виктор пробовал позубастее, но снова был морально разбит.

И все же он не сдавался. Принялся закалять волю и тело. Заставлял себя делать, чего не хочется. По утрам и вечером выжимал за вагончиком кусок рельса, обливался холодной водой, подтягивался, бегал, но все было бесполезно. Он даже представить себе не мог, что в один прекрасный день схватится с Сауткиным на равных, посмеет в открытую перечить тому.

Он внутренне закипал при виде Сауткина, но... улыбался прорабу и, сломя голову, спешить выполнять его очередное указание. Он едва не вытягивался в струнку, слышав поблизости «Витюшка!», хоть от такого общения ему хотелось лезть на стенку. Он возненавидел собственное имя...

Работа Виктору нравилась, с бригадой он постепенно нашел общий язык, но о перспективе думал с тоской. Три года, до 1986 года, с Сауткиным выдержать невозможно. Невозможно.

... Несколько дней назад Сауткин приехал на трассу на машине с прицепом и велел погрузить десять столбов из числа тех, что лежат рядом с вагончиком. Затем отозвал Виктора в сторону.

- Вот что, Витюшка! Составь завтра акт на списание. Укажи, что лесоматериалы израсходованы в качестве дров для приготовления пищи. Понял?

Виктор кивнул, не находя в распоряжении прораба ничего предосудительного. И в самом деле, когда с базы не завозили вовремя газовые баллоны, похлебку варили на костре, сжигая мелкие обрезки бревен и ящики из-под арматуры.

Но ему пришлось крепко призадуматься, когда тем же вечером к нему подошел к нему бригадир Загидулин и как бы невзначай проговорил:

- Слышал случайно ваш разговор с полковником Уэртой. Ты, мастер, не вздумай ему писать этот акт. Лес-то он продаст налево. Попадется рано или поздно, а виноватыми окажутся другие. И ты в том числе. И ничего не докажешь. Еще посадят – не пиши.

- Вы знаете, что он ворует – и молчите? – изумился Виктор.

- Э, мастер – вздохнул Загидулин. – Он – хитрюга, все равно выйдет сухим из воды. А потом житья не даст...

- И вы решили предоставить эту возможность. А потом житья не даст...

Загидулин нахмурился:

- В общем, я тебя предупредил. Смотри...

Ночью Виктор долго не мог уснуть. Вспомнилось, что кое-кто говорил, будто эту трассу уже начинали однажды строить, но не хватило столбов. А может, дело не в том, что не хватило?

Может, были столбы, но Сауткин украл и продал? И вышел сухим из воды... А совхозы остались без телефона. Может, среди освоителей этой целины были и другие Сауткины? И потому не хватило материалов на дом культуры, кинотеатры, баню, не хватило цемента, чтобы забетонировать русло каналов, и потому вода не добралась до дальних полей... Его ненависть к Сауткину достигла предела, он понимал, что обязан противостоять прорабу – ведь надо же когда-то дать ему бой! – но по-прежнему не находил сил для этого и во всем винил одного себя.

Акт он не написал, а когда изволил приехать полковник Уэрта, жалко улыбнувшись ему, выдумал какую-то причину, обещав написать завтра. Торопившись по своим делам Сауткин укатил, осыпав Виктора градом оскорблений.

Виктор снова ничего не написал. Он пытался настроиться на смелый разговор с Сауткиным и, кажется, сумел взвинтить себя, но внезапный страх перед трубой вновь напомнил ему о собственном слабости, и вся решимость Виктора угасла.

Вот и все – труба! Труба дело. Вылететь в трубу. Эти фразы на разные лады вертелись у него в голове. Виктор знал, что если напишет акт, то никогда уже не сможет уважать себя. Несмотря на насмешки Сауткина, он все же верил в глубине души, что настанет день, когда он посрамит этого типа. Но если он напишет акт – всему конец. Труба...

Сауткин приехал как раз перед обедом. Прошелся по площадке, поорал, пригрозил. В этот момент дежурный по кухне громко возвестил, что суп готов. Рабочие гуськом потянулись к трубе.

Полковник Уэрта и Малышев остались вдвоем. Виктор в страхе переминался с ноги на ногу.

- Чего пляшешь? – сощурился Сауткин. – От радости, что ли? Или служебного рвения? Долго возитесь со стойками. Ты требуй от людей. Требуй!

- Я требую...

- Вот-вот. А теперь давай актю

- Акт...

- Ты что? – прораб соизволил грозно нахмуриться. – Я шуток не люблю. Неужели не написал.

- Написал... - выдавил из себя Виктор.

- Давай.

- Он там, - Виктор инстинктивно махнул в сторону вагончика.

- Так иди и принеси! Хотя... Пошли вместе, заодно пообедаю, -- Сауткин уверенно двинулся к трубе.

Вот и все, обреченно подумал Виктор. Мало того, что сейчас откроется, что акта нет, вдобавок прораб Сауткин и вся бригада узнают, что он, мастер Виктор Малышев, настолько труслив, что не способен даже на такой пустяк, как переход по трубе. А еще вознамерился бороться с Сауткиным!

Прораб ступил на трубу.

Виктор пришел в отчаяние, он был готов, закрыв глаза, броситься в мутные воды канала.

И вдруг полковник Уэрта чуть покачнулся и ...медленно сел на трубу, обхватив его руками и ногами.

Виктор ничего не понимал.

-А, черт! – виляя тощим задом, грозный прораб отполз на берег. – Неси свою бумажку сам. Я подожду здесь. Вашего варева я не хлебал что-ли!

«Он испугался!» - пронеслось у Виктора. Значит, этот человек тоже умеет бояться? Значит, он вовсе не из железа?! Его можно победить

- Ну же! – злобненько привизгнул Сауткин.

Виктор вдруг подумал, что, страшась трубы, они оба испытывают одинаковые чувства, как бы делаются единомышленниками. Ну, нет! Уж лучше свалиться на глазах у всех в воду, лучше утонуть... Будь что будет! Он шагнул на трубу.

Труба сильно раскачивалась. Виктор не смотрел по сторонам. Только под ноги, все внимание только на то, чтобы сделать шаг, а за ним – следующий. Но чем больше шагов он делал, тем стремительнее его наполняла уверенность, что он дойдет до конца.

Стало удивительно легко. Значит, можно! Значит, он способен на поступок? Какое это, оказывается, ликующее чувство, когда понимаешь, что победил себя. Только не успокоиться! Нужно довести дело до конца, именно сегодня, сейчас.

Он ступил на берег и прошел к колченомому самодельному столу, за которыми дружно стучала ложками бригада.

- Витюшка! – заорал Сауткин. – Шевелись же, так твою и разэтак!

- Какой все- таки грубый у нас прораб, -спокойно проговорил Виктор. – Характер характером, но нельзя же так.

Наступила тишина. Все словно забыли о еде. В глазах Виктор читал удивление, но ясно видел и одобрение.

- Я решил составить акт о незаконном вывозе Сауткиным лесоматериалов с трассы, - сказал он, остановив взгляд на Загидулине. - Вы подпишите?

- Если вы подпишите, отчего же не подписать, -медленно ответил тот, впервые назвав Виктора на «вы».

- Витюшка! – бесновался за каналом его высокоблагородие полковник Уэрта.

-Ну и прекрасно! А пока я перейду на ту сторону и потребую, чтобы он уважал достоинство подчиненных.

Он встал, сжал кулаки и пружинистым шагом направился к трубе.

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал!!!

Через тернии...Почему бы и нет?

В один из последних августовских дней 1981 года в холле именитого московского вуза стоял перед доской объявлений Вадим Стрельцов – высокий угловатый юноша с нежным, несколько удлинённым лицом. Вид у него был растерянный. Казалось, из его светлых, обрамлённых пушистыми, как у девушки, ресницами, вот-вот брызнут слезы. Тонкие нервные губы были страдальчески изогнуты. Только что вывесили списки абитуриентов, зачисленных в институт. Вадима в списках не было.

Невысокими баллами оценили московские доценты его знания. Однако до последней секунды теплилась надежда: а вдруг зачислят резервистом? А вдруг предложат учиться в другом менее престижном ВУЗе? А вдруг... Он еще раз пробежал глазами по спискам, перечитал объявления, категорически предписывающее всем иногородним абитуриентам, не прошедшим по конкурсу, освободить общежитие в ближайшие три дня.

Итак, через три дня он возвратится в тихий провинциальный городок. Возвратится с позором. Без счита.

Конечно, неприятные минуты бывали в его жизни и прежде. В восьмом классе появился у них новый ученик – Бабаенко, здоровенный оболтус со стриженным затылком и низким треугольным лбом. С первого же дня он почему-то невзлюбил Вадима и долго досаждал ему, день ото дня изоощряясь в злых шутках. Целых полгода Вадим подходил к школе с тяжелым сердцем, представляя наглую рожу своего мучителя. Дело закончилось тем, что доведенный до отчаяния Вадим на перемене налетел на Бабаенко, и набил этому узколобому морду. Он ожидал жестокой и страшной мести от Бабаенко, или утонченного издевательства впоследствии. Однако же с того дня Бабаенко присмирел, по крайней мере, по отношению к Вадиму.

В последние годы Вадим открыл для себя, что у него неспортивная фигура. Что он теряется в простых ситуациях. Что не умеет непринужденно вести себя в компании сверстников. И наконец, что красивые девушки смотрят как бы сквозь него.

Это были горькие открытия. Но постепенно Вадим смирился. После долгих размышлений, питаемых чтением книг, он пришел к выводу, что физическая сила, внешняя привлекательность, непринужденная манера поведения далеко не самое главное в жизни, хотя, конечно, хорошо быть обладателем всех этих качеств. Он был уверен, что большие перемены ожидают его сразу же за школьным порогом. Точной отсчета будет поступление в ВУЗ. Уж здесь-то он наверняка утвердит себя. Вот и утвердил.

Вадим представил, как пройдет с чемоданчиком по своей улочке, как соседи и знакомые будут его останавливать его на каждом шагу, сочувственно качать головами и задавать один и тот же нелепый вопрос:

- Не поступил, да?

Дядя Миша Сморгков пробасит, конечно, напрямик:

- Может, так оно и к лучшему? Сейчас на трех инженеров – один хороший слесарь. Айда к нам на завод.

Мама будет успокаивать:

- Ничего, сынок, в армию тебе на следующую осень, так что год в запасе еще есть. Поступишь. Только лучше бы поближе к дому, а? На что тебе Москва?

А что скажет Наташа, его тайная безответна любовь? Вот уже полтора года он никак не отважится заговорить с ней, принимая при нечаянных встречах отрешенный и задумчивый вид, хотя сердце при этом бешено колотится, а кровь так и приливает к щекам. Нет, Наташа ничего, конечно, не скажет, просто скользнет бархатными глазами по его лицу, по чемоданчику в руке и насмешливо улыбнется.

До выселения из общежития осталось два дня. Товарищи Вадима по несчастью с лихвой вознаграждали себя за многолетнюю зубрежку – как будто сговорившись, до последней минуты оттягивали отъезд. Счастливики же, напротив, торопились за осенней и зимней одеждой. Впервые в жизни Вадим испытал острый приступ зависти.

«Что же делать?» - думал он.

В одиночку Вадим слонялся по городу. Садился в первый подошедший автобус или троллейбус и ехал, не заботясь о маршруте. В сравнительно спокойных местах Москвы выходил из транспорта и брел по тротуару. Лето уже кончилось. Листья желтели, часто накрапывал мелкий дождик. Холодные дождинки капали сквозь листву на его лицо.

Однажды ему на глаза попало объявление: «Геологоразведочное управление приглашает на временную работу... в районы Западной и Восточной Сибири, Крайнего Севера, Приморского и Хабаровских краев... Выплачиваются подъемные...» - и так далее.

Он равнодушно прошел мимо, но через пять шагов стал как вкопанный. Воображение услужливо нарисовало яркую картину.

... Кедр, палатки, бородатые геологи. Среди них - Вадим, возмужавший, окрепший, закаленный морозами и ветрами. Экспедиция уже много дней бредет по тайге. У широкого ручья Вадим замечает какой-то необычный камень. Золото! Все восторженно его поздравляют. Обнаружено крупнейшее в стране месторождение самородного золота. Или нет, лучше трансурановых руд. Пускай он даже не найдет никакого месторождения. Но поработать в экспедиции полгода. Попутешествовать, пережить интересные приключения. И вернуться домой триумфатор. Соседи будут уважительно расспрашивать о забайкальской тайге, дядя Миша Сморгков пробасит: «Молоток!». А Наташа отдастся в этот же вечер: «Вадим, а ведь ты мне нравился...». А через девять месяцев у них родится красивая девочка. Лепота!

Через полчаса Вадим стоял перед сотрудником отдела кадров геологоразведочного управления – корректным подтянутым мужчиной с седыми висками.

- Специальность у вас есть? – был первый вопрос кадровика.
- Да... В школе получил... Наладчик швейных машин.
- Так, так... В партиях работать не приходилось?
- Нет.

Кадровик еще раз оглядел худощавую фигуру Вадима, задержал взгляд на его ненатруженных руках. Затем вежливо, но твердо ответил, что, к сожалению, на работу в экспедициях организации принимают людей с московской пропиской.

Вадиму это оказалось страшно глупым.

- Но ведь я собираюсь работать в Москве. Согласен ехать куда угодно! – в мыслях мелькнуло: «Только бы не домой ехать».

- Увы! – развел тот руками. – Таков порядок.

Несмотря на отказ, Вадим вышел из ворот окрыленным. Выход все-таки есть. В конце концов, он может уехать куда -нибудь и сам. Например, на БАМ. Уж там не станут морочить голову московской пропиской.

Он хорошо понял кадровика. Тот, ясное дело, принял его за маменького сынка. Ну ничего, он, Вадим, им докажет! Его худощавость еще ни о чем не говорит. После истории с Бабаенко он всерьез занялся гантельной гимнастикой. Здоровяка, правда, из него не вышло, но выносливость и сила есть.

Вадим находил все новые и новые доводы в пользу своей задумки. Он даже испытывал гордость от того, что в критической ситуации сумел найти разумное решение. Правда, Вадим несколько смутился, когда подумал о матери. Каково будет ей? Ну а если бы он стал студентом? Все равно разлука + как минимум до зимних каникул. Вообще-то маму не стоит расстраивать. Он напишет ей, что поступил в институт, но курс направили на практику туда-то и туда-то.

Мать все равно в этих делах ничего не понимает. Лишь бы не волновалась. А после как-нибудь все прояснится.

В читальном зале общежития Вадим перелистал кипу подшивок « Комсомольской правды», выписывая адреса ударных комсомольских строек. Затем предпринял обход московских вокзалов. Внушительные таблицы расписаний, поезда, отбывающие и пребывающие с интервалом в несколько минут, встречные потоки пассажиров, ни на миг не затихающая сутолока – все это придавало уверенность, будоражило . « Покупай билет и отправляйся хоть сегодня в любой конец» - с восторгом думал Вадим.

Под вечер накануне выселения он шел по подземному переходу под площадью трех вокзалов. Навстречу Вадиму из людского потока вынырнул высокий остроскулый парень. В каждой руке у него было по увесистому чемодану и большой сетке.

Вдруг один из чемоданов оказался на полу – в самый неподходящий момент оторвалась ручка. Огорченному парню пришлось остановиться. На миг его глаза встретились с глазами Вадима. У незнакомца был очень серьезный и вместе с тем располагающий взгляд.

Вадим же стоял рядом.

- Давай помогу. Куда нести?

- Спасибо, дружище, выручил! – парень принял помощь как нечто вполне естественное и мягко улыбнулся. - К Казанскому, - с заметным восточным акцентом проговорил он.

Они поднялись к вокзалу.

- Ну вот! – парень опустил поклажу на асфальт. – Еще раз спасибо. – И, как бы извиняясь, добавил: -Не люблю ездить с вещами. Да разве ребятам откажешь! Столько заказов надавали...

- А дальше ты как же? – поинтересовался Вадим.

- Пустяки. Сейчас поймаю носильщика и – вперед! - Он огляделся. Носильщики поблизости не было.

- Ладно тебе! – Вадим поднял чемодан. – На каком пути поезд?

- П посадка на скорый Москва- Ташкент уже заканчивалась. Парень показал пожилому усатому проводнику билет, что-то весело сказал ему по-узбекски.

- Ну, вот! Я , можно сказать, дома! - облегченно вздохнул он, когда, занеся в купе вещи, они с Вадимом вышли на перрон.- Кстати, давай знакомиться, ведь у нас ездят целых десять минут! – парень протянул Вадиму руку: - Рустам!

- Вадим.

- Ты москвич, Вадим?

Вадим давно уже испытывал искушение хоть с кем-нибудь поделиться своими мыслями. И вот подходящий случай, кажется, представился.

- Видишь ли... - начал он. – Я, собственно, в Москве случайно. На несколько дней. Завтра уезжаю.

- Куда , если не секрет?

- Пока не знаю. Я , понимаешь...провалился на экзаменах. Теперь выбираю город или район, где можно устроиться на работу. Хочу мир увидеть, пока молод. А через год, наверно, снова буду поступать.

Рустам слушал внимательно, что не мешало ему сделать добрый десяток дел: помочь старушке подняться в тамбур, кого-то угостить сигаретой, кому-то протянуть спички.

+ Значит, тебе все равно, куда ехать? – задумчиво произнес Рустам.

- В принципе, да...

- А в Средней Азии бывать приходилось?

-Нет.

Глаза Рустама сузились.

- Ты знаешь, - сказал он решительно, - у меня почти то же самое было. –Тут он глянул на часы. – Эх, времени поговорить не остается. Словом, так - хочешь посмотреть Узбекистан? Ну и поработать, разумеется?

- Работы я не боюсь.

- Гайки крутить согласен?

- Какие гайки?

- Слушай – в двух словах! Я монтажник. Мы с ребятами строим высоковольтную линию. Трасса в ста километрах от Ташкента. В предгорьях. Живем в вагончиках. На отгулы – в Ташкент! Ребята у нас отличные. Начальник участка Миронов- мы его зовем « дед МIRON » - мировецкий мужик! Своя столовая, телевизор, баня. Я за тебя похлопочу. Словом, если надумаешь. Ручка или карандаш есть?

- Вот.

- Словом, записываю тебе адрес. Рустам Ибрагимов. – это я . А вот схема, как добраться. Не потеряй.

- Я приеду. – просто сказал Вадим.

Поезд мягко тронулся.

- В таком случае до скорого! – Рустам крепко пожал руку и запрыгнул на подножку.

«А почему бы и нет? – подумал Вадим, глядя на мелькающие вагоны. – В конце концов хоть какая-то определенность. Лишь бы денег хватило на дорогу».

Тут же он пошел наводить справки. Денег хватало- правда, в обрез.

Дед Мирон

Поверх высоких деревьев вздымались серо-желтые, словно выцветшие на солнце, предгорья. Далеко за ними проглядывалось несколько туманно-голубых пиков, увенчанных белыми шапками.

От вокзальчика в глубь поселка вела широкая асфальтированная дорога, вдоль которой выстроились добротные дома с большими окнами. В центре небольшой площади пламенела клумба, в стороне стояло несколько легковых автомобилей. Бойко шла торговля квасом. Подъехал желтый «Икарус» и тут же заполнился пассажирами.

Рельсы звонко запели вслед уходящей электрички.

Вадим пошел по узенькой тропинке, змейкой выходящей вдоль железнодорожного полотна, на ходу сверяясь с планом, нарисованный Рустамом. Все верно. Вот околица поселка, поворот направо, мост через канал, еще одна тропинка – через рощицу.

Лагерь – два десятка разноцветных вагончиков – примостился у подножия крутого, покрытого бурой травой, и небольшими черными камнями холма. Вокруг не виднелось ни кустика. Казалось, сразу же за рощицей пролегла резкая граница между цветущей, благоухающей землей и безжизненным пространством.

В волнении Вадим опустил сумку и несколько минут неотрывно смотрел на вагончики. Итак, начинается новая глава его жизни. Ну, вперед!

Сухая глинистая почва на подходе к лагерю была так разбита машинами что превратилась в пыль в которой почти полностью тонули туфли. Вагончики стояли буква «П» - с короткой перекладиной и вытянутыми ножками.

На внутреннем пространстве между ними высилась кучка гравия. Двое рабочих с помятыми лицами, сидевшие на крылечки, при внезапном появлении Вадима резко вскочили и принялись разравнивать гравий. Однако, разглядев Вадима получше, опять бросили лопаты и уселись в холодке.

На вопрос Вадима, здесь ли работает Рустам Ибрагимов, один из рабочих ответил «, что « давно уже не было видно». А Миронов « должен вот-вот подъехать». Подождать можно и в конторе, вон в том угловом вагончике.

Внутри вагончика было прохладно и сумрачно. Здесь стоял стол, покрытый выцветшей плюшевой скатертью, несколько стульев, высокий металлический сейф и тумбочка с телефоном. На стенах были развешены чертежи, листы ватмана со схемами и графиками.

Внимание Вадима привлек боевой листок с красочной карикатурой. Самодеятельному художнику нельзя было отказать в определенных способностях. Огромный автомобильный кран, весь перекрученный, мчался на одном колесе и сбивал по пути телеграфные столбы и деревья. За рулем сидел человек с большими ушами, выпученными глазами и включенными волосами. Кран он вел одной рукой, а второй подносил ко рту гигантскую бутылку водки. Ниже шли стихи. Стихи начинались так:

Выпить захотел Владимир Монахов.

И вот решил он одним махом

За водкой съездить в магазин,

Забыв, что у него есть жена и сын.

Далее в такой же свободной форме рассказывалось, как этот самый Монахов, не справившись с захваченным им самовольно автокраном, раздавил ящик с арматурой и помял две металлические бочки, за что и наказан по административной линии.

Стихи Вадим прочитал с улыбкой, которая, однако, быстро исчезла с лица. Куда он попал, задался вопросом Вадим вопросом. Унылый лагерь, море пыли перед вагончиком, две небритые личности с лопатами, какой-то Монахов с репутацией пьяницы – все это не вписывалось в его мечту! А если Рустам сыграл с Вадимом злую шутку? Тревожные предчувствия охватило его.

За окном послышался шум мотора. Прямо к вагончику подъехал запыленный уазик, из которого выбрался сонливого типа грузный мужчина в светлом костюме и соломенной шляпе. Заметив, что в конторе кто-то есть, он не спеша вошел внутрь. У мужчины был большой нос с косым фиолетовым шрамом, сизые щеки, отвислая нижняя губа, маленькие глазки неопределенного цвета.

Он поздоровался, прошел к столу, сел, аккуратно положил рядом шляпу.

- Миронов, - представился он и, не дожидаясь ответа, продолжил: - Я летом в отпуске был, в Гаграх. А тем временем сюда прислали одного типа из мехколонны, чтобы он подобрал место для участка. Вот он и подобрал. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. А как ветер задует, чихаем все, пыль с ушей сыпется. А договорится с каким-либо райсом договорится ума не хватило. Вагончики поставить рядом с каналом, под яблонями. Чтобы люди приехав с трассы могла по человечески отдохнуть. Поздно уже перестраивать. Работать надо. Ну, ничего! Воду я подвел из оселка, энергию подключил, телефон пробил, насчет гравия договорился. А сейчас еще с поливочной машиной договорился. Каждое утро и вечером поливать будет. Вот эти два лодыря гравий разбросают- пыли в помине не будет. – Он достал из кармана небольшой светлый мешочек. – Вот семена цветов выпросил в одной школе. Посадим в горшки вдоль вагончиков. Будет как в парке. Ничего до зимы дотянем. А уж следующий участок я сам выбирать буду.

Тут до Миронова словно бы дошло, что в конторе находится незнакомый человек, и он спросил, откинувшись на спину стула:

- Что-то я тебя не помню. Кто будешь?

- Я насчет работы.

- А! Давай-ка глянем твои документы. Так ... - губа его карикатурно выпятилась. - А где же трудовая книжка?

- Нету еще...

- Не заработал? Выходит, и специальности нету?

Вздыхая и охая, Миронов принялся перелистывать документы Вадима, нещадно мусоля пальцами страницы. При этом он шевелил бледными губами и хмурил соломенные брови.

«Покупать он меня, что ли, собрался?»- с неприязнью подумал Вадим.

Наконец, Миронов поднял голову.

- На учете милиции состоишь? – был его первый вопрос.

Вадим даже отпрянул.

- Вижу, что нет? Отец пьет?

- С чего вы взяли?! – вспыхнул Вадим.

- А мать, наверное, строгая? – продолжал Миронов. – Домой с девушками не пускает, выпивать не дает, да?

- Почему вы так спрашиваете?! При чем здесь мои родители?

Миронов спокойно посмотрел на него.

- А чего же ты, голуба моя, укатил от них за тысячу километров?

- Ну... - замялся Вадим, - давно хотел Среднюю Азию посмотреть. – И тут же по скептической улыбке Миронова понял, насколько несерьезно прозвучал его довод.

- Так ты, выходит, романтик? – Миронов явно иронизировал, хотя вид у его был по прежнему сонный.

- Соску, во всяком случае, давно не сосу, - раздраженно ответил Вадим, подавивший в себе желание сказать грубость.

- Вот и хорошо. Возвращайся домой и помогай матери. Работа для тебя и там найдется. А я романтиков и прочих летунов не жалую. Все. – Небрежным движением Миронов отодвинул от себя документы.

Молча, дрожащими пальцами Вадим втиснул документы в целлофановый пакетик.

- Скажите, а Рустам Ибрагимов у вас работает? – спросил он, пряча документы в карман.

- До отпуска был у меня. А вернулся – его тут же в Каракалпакию направили.

- Это далеко?

- Полтора часа самолетом. А ты что, товарищ Рустама?

- Товарищ, – подтвердил Вадим. Ему вспомнился прямой, открытый взгляд случайного знакомого, и он еще раз произнес убежденно: - Товарищ!

- Тогда извини, – в раздумье произнес Миронов. – Имею право взять тебя на временную работу на два месяца. А там – посмотрим. Только куда же мне тебя девать? Ладно. Пойдешь на прирельсовых склад. Такелажником. Согласен?

- Мне все равно.

Миронов поморщился, будто надкусил лимон.

- Вот и плохо, что тебе все равно. Хотя оно и понятно. Ты ведь живую трассу и в глаза никогда не видел. А ведь стоит... – Миронов опять задумался, потом хлопнул ладонью по столу. – Решаем так:

Поработаешь с недельку в бригаду Жильцова, потом – на прирельсовый склад.

- А что это за бригада?

- Жильцовская бригада у нас особенная, веселая. С ней не соскучишься. Но работа простая – ты справишься. Главное – в обиду себя не давай. Особенно будь осторожен с Замойловым – понял? Ладно. Ничего с тобой за неделю не случится. Зато трассу увидишь, тогда и на складе от себя будет больше проку. Обедать сегодня? – без всякого перехода неожиданно спросил Миронов.

- Да, перекусил...

- Ну-ка, пойдем!

Они вышли во двор. Двое рабочих уже разравнивали почти весь гравий и продолжали трудиться в поте лица.

- Вы бы перекурили ребята, а то устанете, – с нескрываемой иронией сказал им Миронов.

- Ничего, успеется, – отвечали те, энергично орудия лопатой.

Миронов открыл дверь одного из вагончиков и жестом пригласил Вадима следовать за им. Это была столовая – с небольшими столами и скамеечками вдоль стен. Дразняще пахло жареным мясом и луком.

- Татьяна! – громко позвал Миронов.

Открылась дверь, и из второй половины вагончика вышла молодая статная женщина лет тридцати пяти в белом халатике. Она была по-настоящему красива, даже в большом городе нечасто встретишь такое выразительное, гордое лицо, величественную осанку. Это было подобно чуду, Вади почувствовал, что краска смущения покрывает его щеки, но все равно не мог оторвать взгляд от серых, широко раскрытых глаз поварихи.

- Татьяна, ты вот что. Посмотри не осталось ли чего с завтрака И потом... такая просьба – этого парня накорми до аванса под карандаш.

- Хорошо, – величественно ответила да, одарив Вадима взглядом королевы.

Плотнo поехав Вадим и Миронов вышли на воздух.

- Что, хорошо, повариха? Долго искал тлковую повариху и нашел. На последней трассе. На местном консервном заводе. Там было женское общежитие. Прошел туда и на колени встал, бабоньки выручайте! Вот это, Татьяна вызвалась. А выглядела она тогда последней замухрышкой. Муж – алкач. Вещи из дома крал и пропивал. Сварила она нам ужин, пальчики оближешь.

Я ее уболтал, бросил своего алкаша и айда, к нам, на участок. Посмотри на нее теперь?! Тридцать семь бабе, а выглядит на двадцать пять!

Тем временем они подошли к крайнему вагончику лагеря. Миронов переключился на другую тему.

- У меня в вагончиках живут по четыре человека. Обрати внимание: все вагончики шести- и восьмиместные. Знаешь, какой боя я выдержал за них, чтобы монтажники могли жить попросторнее. А здесь у меня вроде гостиница. Для всякого приезжего люда. Сейчас там никого. Так что располагайся. В табель я включаю тебя с сегодняшнего дня.

Манера поведения Миронова ничуть не изменилась, но – странное дело – от его сонливости не осталось и следа.

- Да, вот еще что. Деньги у тебя есть.

- Есть.

- Врешь. Айда за мной.

Они вернулись в контору. Миронов открыл сейф.

- Пиши расписку на десять рублей. На сигареты, спички, прочие мелкие расходы.

- Расписку?

- А ты как думал! Век-то наш не только атомный, но и бумажный. Слыхал? – и он подмигнул.

Веселая бригада

Едва начало смеркаться, Вадим прилег на кровать и тут же заснул крепким, здоровым сном. И хотя вскоре одна за другой возвратились с трассы бригады, он не слышал ни оживленного гомона, ни рева автомобильных моторов.

Вадима разбудила уборщица.

- Вставал бы, а? Завтрак проспишь.

Вадим поднялся, посмотрел в окно. Хлопали двери вагончиков, голые по пояс монтажники снова по двору с полотенцами на шее, цепочкой тянулись от умывальников. Взревел один мотор, второй, третий. Вскоре весь лагерь наполнился их пальбой.

В столовую Вадим входил с тайным трепетом, представляя, как увидит сейчас Татьяну, ее лицо с ярким румянцем на щеках, лучистые глаза. Но его ожидало разочарование. В раздаточной распоряжалась добродушная веснушчатая толстушка.

- О! Еще новенький! – воскликнула она, увидев Вадима.- Шлют и шлют! Же восемьдесят человек вдвое корми. Ну, все. Пойду к деду Мирону. Пусть дает на кухню третьего человека...

Позавтракав, Вадим вышел во двор. Округ стоял шум и крик. Монтажные грузили в машины какие-то железки, маленькие плоские ящики. Большинство рабочих было в черных комбинезонах и шлемах, похожих на танкистские.

Между бригадами сновал возбужденный Миронов.

- Черт возьми! – громко выговаривал он. – С вечера надо грузиться! С вечера! Когда я вас научу?! Ведь самое золотое время теряем.

У одного из монтажников Вадим спросил, где бригада Жильцова. Ему оказали на крайний автомобиль, оснащенный не то компактной буровой установкой, не то небольшим краном. Возле машины стояла два человека. Обоим было под сорок. У одного на плоском смуглом лице выделялись густейшие насупленные брови. В то же время выражение зеленых глаз было какое-то виноватое, просительное. В торой, вероятно, не брился уже неделю, а не расчесывался больше месяца. Из его спутавшихся длинных волос торчали соломинки и перья.

«Интересно, кто еси Замойлов?!» - подумал Вадим.

В это время из будки грузовика ловко прыгнул наземь молодой человек. В отличие от большинства рабочих, одет он был не в черный комбинезон, а в светлые немаркие брюки и голубую рубашку. Среднего роста, стройный, с золотистыми волосами и выразительными глазами, он казался почти ровесником Вадима. И лишь по едва заметным морщинкам на лбу можно было догадаться, что он а много старше.

Увидев Вадима, он приветливо улыбнулся, показал целый ряд золотых зубов.

- А вот и пополнение! – его глуховатый голос Вадиму понравился.- Вижу по обличью культурного человека. Будем знакомы. Как тебя кличут, мой юный друг? Вадим? Отлично! – Он указал на смуглолицего монтажника: - Вот наш доблестный бригадир товарищ Жильцов. Можешь называть его Степаныч. А это, - последовал жест в сторону лохматого, - Сапог. Просто Сапог. Он же механик-водитель. А я –Константин Замойлов. Монтажник опрофессии, свободный художник в душе и поэтическая натура.

Тем временем бригадные машины одна за другой, пыля, потянулись к шоссе.

Замойлов пристально посмотрел поверх вадимовских плеч.

- Ми дорогие друзья, - сказал он, - я вижу, что наш глубокочтимый прораб собирается уделить нам особое внимание. Предлагаю не расстраивать его нервную систему. По коням! Быстро!

Жильцов молча двинулся к будке.

- Э, нет! – Замойлов крепко хлопнул его по плечу - Вы наш отец-командир. Давай, Степаныч, в кабину. А я с новеньким по-простецки, в будке. Поболтаем по душам. Сапог, заводи тачку.

Переваливаясь с боку на бок, машина выбралась по ухабам на шоссе.

- Я заметил, в других бригадах по двенадцать-пятнадцать человек, а у вас всего трое, - сказал Вадим. – Почему так?

- Во-первых, не у «вас», а у «нас», - мягко поправил Замойлов. - И не трое, а уже четверо, - он дружески хлопнул Вадима по колену.

- Да, но все-таки?

- А это потому, что наша бригада особая, самая высококвалифицированная. Каждый освоил семь специальностей и работает за троих. За час управляемся с дневной нормой. Понятно? – глаза Замойлова смотрели строго, хотя в уголках губ угадывалась улыбка.

- Понятно.

- Так что, Вадим, перенимай наш опыт.

- Постараюсь.

- Да уж, постарайся. Учти, у нас все на строго добровольных началах. Насильно никого не держим. Условие только одно: хочешь быть равноправным членом бригады – уважай наши традиции. Как считаешь, это справедливо?

- Возражений нет, - улыбаясь, ответил Вадим, которому все больше нравится собеседник. Он сделал вывод, что Замойлов красив: у того была нежная смуглая кожа, с которой так гармонировал яркий румянец на всю щеку и чистой голубизной глаза. Короткий, чуть вздернутый нос вполне вписывался в классический стандарт.

- Отлично сказано! – отреагировал Замойлов. – Возражений нет. Конечно же, нет! Как считаешь, обязаны мы, не откладывая дела в долгий ящик, закрепить эту симпатию?

- Да, конечно, но... я не совсем понимаю.

- Объясняю популярно. Речь идет о благородных напитках. Типа портвейн. – Тут он как бы с сомнением заглянул Вадиму в глаза: - Или ты боишься?

-Я? Нисколько! Пожалуйста. Если так принято, - расхрабрился Вадим.

- Именно принято, - веско произнес Замойлов. – Как раз сейчас будет приезжать поселок. Магазин работает исправно с семи утра. Прихватим с тобой бутылочку, не возражаешь?

- А может, лучше вечером?

- Вечером? – красиво изогнутые брови Замойлов поползли, и он сделал гримасу. – На участке, среди пыли, под надзором деда –фи! А тут горы, свежий воздух, природа. Такие вещи, друг, надо ценить.

- Ну, раз так... - Вадим вытащил одолженную у Миронова десятку.

Замойлов мягким, но решительным жестом ее взял.

- Вот это по-нашему, - сказал он. – Ты не беспокойся, остальные хлопоты возьмем на себя.

Машина остановилась, хотя никто не подавал сигналов в кабину. Замойлов открыл дверцу и выпрыгнул. Вадим глянул в боковое окошечко. Они стояли возле магазина – небольшого белого домика с решетками на двух широких окнах. Оттуда Замойлов появился через минуту. В каждой руке у него было по две большие бутылки вина с надписью на этикетки «Чашма», а под мышкой хлеб и консервы.

Вадим понял, что остался без денег.

- А не много? – встретил он Замойлова вопросом.

-Много? – тот искренне удивился. – Я смотрю ты нас считаешь сосунками, а не монтажниками. Эх! Еще бы пригожую подружку... - он подмигнул Вадиму и пристроил бутылку в выдвижном ящичке, обмотав промасленными тряпками.

Машина тронулась. Замойлов удовлетворенно потер руки.

- Ну вот. Обедом мы обеспечены. Но сейчас, по моему, самое время позаботиться о хорошем ужине. – многозначительно произнес: - Есть вариант?

- Какой именно?

- Сейчас увидишь.

Машина свернула с шоссе и ехала теперь по узкому проселку. Минут через пятнадцать затормозила у обочины.

- Дай-ка чертеж, - попросил он Вадима. – Там в ящике, где бутылки.

- Какой? Тут много?

- Любой давай. И пошли со мной.

Вдоль дороги тянулась бахча. В грядках лежали огромные, как бочонки, дыни. Вдали белела сторожка.

Замойлов уверенно шагал в глубь поля, то и дело останавливаясь и что-то внимательно разглядывая в развернутом чертеже. Вадим шел следом. Вскоре он заметил, что за ними пристально наблюдал старик, вышедший из сторожки. На нем была тубетейка, длинный до пят, черный халат, перетянутый багровым платком. Наконец не выдержав, старик приблизился.

Замойлов сделал вид, будто только сейчас заметил сторожа, и почтительно поздоровался. Затем, многозначительно вздохнув, снова углубился в чертеж.

- Что будете делать? – спросил старик, как видно, обеспокоенный поведением Замойлова. Его сожженное солнцем лицо было а печеная груша.

- Такие дела, отец, - снова вздохнул Замойлов. – Мы строим высоковольтную линию. Слышал? Вот как раз на этом месте – он топнул ногой о землю, - надо ставить анкерную опору. Анкерную, понимаешь? Такую высокую, с проводами. Вот прораб и послал меня посмотреть, с какой стороны крану лучше заезжать, с какой – трактору... - Он очертил рукой широченный круг. – Жаль, конечно, но придется все это помять.

- Как –помять?! Вай-дод! – старик был огорочен, быстро заговорил путая от волнения русские и узбекские слова. – Не пушу! Не пушу!- решительно выкрикнул наконец.

Замойлов сунул ему под нос чертеж.

- Военный объект, отец! Никто нас спрашивать не будет. Интересы государства, понимаешь?! Так что, извини – мы тут ни при чем.

Старик опять принялся что-то горячо доказывать по- узбекски.

Замойлов с самым скорбным видом понимающе кивал головой. Наконец старик как бы успокоился. Подойдя к Замойлову вплотную, он тихо что-то спросил.

- Это можно – покладисто ответил тот. – Обедать наверняка не могу, но попробую. Главное, уговорить прораба. Больно уж тяжелый он человек.- Он задумался.- Сделаем так. Приготовь хороший ужин. С водкой. Вечером приведу прораба. А потом вместе уломаем его, чтобы ставить опору не на твоём огороде, а в сторонке. Договорились, отец? – Тут они принялись бить друг друга по рукам. - Не возражаешь, отец, если мы прихватим у тебя пару дынек? Ну-ка, Вади, не в службу, а в дружбу0 отнеси вон ту и ту в машину.

Вадим отнес в машину две огромные – килограммов на 12 каждая – дыни. Полосатая кожица дынь источала тонкий медовый аромат.

- А что, можно не ставить здесь опору? Или как? – спросил он у Замойлова, когда машина тронулась с места.

Тот недоуменно посмотрел на него, потом прыснул, крутнув сильной шеей, и вдруг задорно расхохотался, блестя золотыми зубами. Вадим почувствовал, что краснеет.

- Ты..ты..- Замойлов давился от смеха. – Да, ты, друг, и сам такой же недотепа, как этот старикан! Ничего, не переживай. Мы тебя отшлифуем. На ходу будешь подметки рвать. – И пояснил: - Трасса-то - в горах. На два километра выше бахчи. А старикашку мы попросту раскололи на хороший ужин. Он теперь в лепешку расшибется, чтобы его огородишко не трогали. Одним словом – частник.

- Значит, Миронов...
- Смотри, не проболтайся Миронову. Он шуток не понимает. Год будет потом пилить.
- Но ведь мы обманули старика? Обманули? Так?
- Обманули? – Замойлов запрокинул голову. – Он сам кого хочешь обманет. Не смотри, что на нем халат дырявый. У него денег куры не клюют. Не обеднеет. Вот поедешь на базар дыни покупать. Так что мы возвращаем свое. – Он сощурил глаза и весело запел:

«Когда качаются фонарики ночные,
Когда на улицу опасно выходить,
Я из пивной иду,
Я никого жду,
Я никого уже не в силах полюбить»

Проселками машина достигла предгорий и сейчас медленно ползла вверх. Мотор завывал. Будка наклонялась то вправо, то влево. Вадим и Замойлов то и дело цеплялись за сиденья. Казалось этой езде не будет конца.

Но вот автомобиль остановился. Они находились на плоской макушке одного из холмов. Внизу широко раскинулась долина с разбросанными по ней пятнами поселков, рощиц и полей, с сетью дорог и каналов. Вокзал казался отсюда совсем крохотным, вагончики лагеря походили на спичечные коробки, а бахча, где они только, что побывали, выглядела узенькой зеленоватой полоской.

Холм под ними был весь исполосован следами бульдозеров. Из земли – по углам большого квадрата – торчали, чуть возвышаясь над поверхностью, четыре бетонных столба, увенчанные мощными болтами. Широкий тракторный след спускался с этого холма, поднимался на следующий, переваливал через него и вел дальше. Резко, жирной линией прочертил он местность.

- Вот она, трасса, мать-кормилица наша! – сказал Замойлов и обвел взглядом горизонт. – Лепота!

- Лепота! – Подлаживаясь под его тон, осклабился Сапог. – Четыре пузыря с нами.

- Панове! – Замойлов окинул его презрительным взглядом. – Я имел в виду ту красоту, которая, увы, недоступна вашему пониманию. Впрочем, своим грубым замечанием вы уже убили во мне лирический настрой. – Он критически посмотрел по сторонам. – Как, однако, здесь все перепахано. Прилечь негде. – Он отошел подальше, туда, где еще сохранилась пожелтевшая трава, бросил на нее прихваченное из будки старое одеяло и вновь обратился к Сапогу: - Ясновельможные, можете приступать к организации завтрака.

Радостно привизгивая, Сапог стремглав бросился к припасам.

- Поработать надо с утра, - неуверенно сказал в спину Замойлова Жильцов и вздохнул.

- Успеется, Степаныч, - душевно произнес Замойлов.

- Други мои! – сказал Замойлов, поднимая свой стакан. – Торжественный утренник, посвященный приему в нашу славную бригаду нового члена, объявляю открытым. – Он принял глубокомысленный вид и вдохновенно продолжал: - Еще сегодня утром наступивший день представлялся нам мрачным и унылым. Мы настроились на то, что до самого вечера в нем не будет ни одной радостной минуты. Но вот фортуна шевельнула пальцем- и вновь жизнь нам улыбается. Так выпьем же за то, чтобы фортуны как можно чаще шевелила пальцами и всем, что у нее имеется!

Медленно, не отрываясь, он выпил вино. Жильцов осушил стакан залпом, а Сапог смаковал

свою порцию маленькими глоточками. Блаженная улыбка играла на его придурковатом лице.

- Вчера в поселке под мостом, - заговорил он, продолжая глупо улыбаясь, - нашли голову...

- Как голову?! – обомлел Вадим.

- От селедки!- выпалил Сапог и оглушительно расхохотался.

Прошло полчаса.

- Поработать бы надо - по-прежнему тихо, но уже с вызовом в голосе произнес Жильцов.

Сапог не уловил этой новой интонации бригадира и отметил смешком, заискивающе поглядывая на Замойлова:

- От работы кони дохнут.

Тот ответил ему строгим взглядом и поучительно произнес:

- Работа есть первейшая необходимость мыслящего человека. И мыслящий человек стремится сделать ее проще и быстрее, - Он сжал локоть Жильцова. – Не волнуйся, Степаныч, поработаем сегодня не хуже, чем вчера. А вас, пан Сапог, я попросил бы уничтожить вещественные доказательства.

Сапог схватил бутылки и швырнул далеко вниз.

- А чем вообще занимается наша бригада?- спросил Вадим. Вино уже ударила ему в голову.

- Бьем заземления, - коротко ответил Жильцов.

- Как это – бьем?

- Сейчас я растолкую в научно-популярной форме, домудлю Вадим, - лениво проговорил Замойлов. – Каждая опора должна быть защищена- от ударов молний, от аварии т так далее. Поэтому на пикетах устанавливается система заземлений. Например, на этом куске надо на каждом пикете забить четыре штыря на глубину три метра каждый. Учти – грунт скальный. В общем, мороки хватает. Но... -Замойлов с хитринкой поднял указательный палец. – Ты можешь спросить, а что будет, если мы решим упростить дело и забьем заземление на два метра? А если на один? А если вообще на полметра? Можно нас уличить в этом или нет?

- А действительно , можно?

- Можно! У деда Мирона есть такая штука – мегометр. Покрутит ручку, глянет в свою таблицу и сразу скажет, на какую глубину заколотили мы эти проклятые штыри. Как видишь, положение почти безвыходное. Но... - он снова хитровато улыбнулся, - мы внедрили одно рацпредложение... только никому не слова, понял? И теперь со спокойной совестью бьем штыри на тридцать сантиметров. Дед Мирон может век крутить свой мегометр, у нас все показатели в норме. И производительность труда – во!

- Вы изобретатели – да?

- Ты приляг, приляг, парень, - пробурчал ему Жильцов, - Ишь, как тебя развезло.

Вадим послушно лег на одеяло. У него на самом деле все кружилось перед глазами. Высоко – высоко плыли в причудливом танце легкие облачка. Они вытягивались, обгоняли друг друга, куда-то неслись, но, если приглядеться внимательнее, крутились на одном месте.

... Проснулся Вадим оттого, что его тормошили за плечо.

- Вставай! Дед Мирон едет, - сказал Жильцов, словно радуясь неожиданному визиту прораба.

Вадим стремительно поднялся. Солнце уже давно миновало зенит. Замойлов и Сапог хлопотали возле машины. Далеко внизу, у самого подножья холма, виднелся узик, медленно ползущий вверх.

- Без паники, друзья! – воскликнул Замойлов. Его синие глаза горели воодушевлением. – Мы его обскачем. Полчаса в запасе есть. Главное – вовремя заметили. Сапог, заводи сварку! Степаныч, режь арматуру! – он распоряжался уверенно и спокойно. – Вадим, бери в будке лопату, копай возле каждого фундамента ямку на один штык! Быстро!

Бригада лихорадочно принялась за работу.

Тем временем Замойлов вытащил из – под сиденья увесистую торбу и, подойдя к ямкам, выкопанным Вадимом, сыпанул в каждую по несколько горстей какого-то бело-серого вещества. Остальное – вставить в ямки короткие отрезки арматуры, засыпать землей и утрамбовать, приварить металл в нескольких точках – заняло считанные минуты. Когда подъехал Миронов, бригада закончила обработку второго пикета.

- Как дела? – спросил прораб, подходя к фундаментам.

- Вот, вторую закончили! – весело отвечал Замойлов. – Жаль, сварка немного барахлит.

А то бы уж штук пять сделали.

- Заглубляете как положено? – Миронов смотрел на Жильцова. Тот молчал.

- Конечно! – горячо воскликнул Замойлов. – По проекту – на три метра. А если скажете – на все десять забьем. Нам не жалко.

- Ой ли? – Миронов, наконец удостоил взглядом его.

- Проверьте!

- И проверю, – прораб вынес из машины прибор от которого отходили длинные проводки со штырьком. Дал штырьки Вадиму и приказал: - Воткни там и там. – Потом покрутил ручку и посмотрел шкалу: - Нормально...

- Ну, вот! – Замойлов поднял подбородок.

- Нормально, нормально... – Миронов несколько раз обошел вокруг фундамента, потом вдруг опустился на колени и, подняв с земли какие-то крупинцы, растер на ладони и лизнул языком. Укоризненно посмотрел на Замойлова: - Заглубили на полметра, а вниз соли насыпали?

- Так... рацпредложение... и изобретательство, – Замойлов нагло округлил глаза. – Народная, так сказать, смекалка.

- Халтурщики вы, а не рационализаторы. После первого же дождя останется после вашего рационализации большая вагина. Вот такая! Смекалистые на что не нужно. – Миронов посмотрел на Жильцова и закричал тонким голосом: - (литературно обработано) – Уже и совесть рабочую стал пропивать, пьяница. Алкаш! Глаза бы мои не смотрели!

У Жильцова заходил кадык. Его лицо налилось краской, он отрывисто проговорил, словно слова застревали горле:

- Виноват... Наказывайте. Да мы переделаем все, Василий Нилович. Поверьте в последний раз. Если можете...

- Нет! – отрезал Миронов (литературно обработано) – Бывает мужик под пятой своей бабы оказался! Не уважаю таких. Не понимаю! А, ты бригадир, под чьей пятой?. – Он сделал жест в сторону Замойлова. Бригадир! Был когда – то бригадиром! Все у тебя было, и все ты потерял. Не выдержал испытания славой. Все! Надоело! Всем ставлю прогул! Вечером быть в конторе!

Сапог, желая задобрить Миронова, угодливо улыбался.

Миронов взорвался:

- А ты чего рожу корчишь? Кроме гы-гы и матюгов от тебя за пять лет ничего не слышал!

Он уже прошел к узику, но, как бы вспомнил что-то важное, хлопнул себя по лбу и повернулся к ним:

- И чтобы перед стариком с бахчи извинились. Ужин с выпивкой захотели? Вот получите на орехи. Рационализаторы вшивые....

- Василий Нилыч, – Замойлов развел руками, – так то же частник. И мы, как пролетарии...

- Гуано вы, а е пролетарии! Вы руки этого старика видели? Говорили с ним? От него землей пахнет, потом, а не вонючим портвейном, как от вас! – тут Миронов, не в силах сдержаться, завернул такую фразу, от которой остолбенел даже Замойлов.

... На « чистку» Миронов вызвал в одиннадцатом часу вечера. Они, как нашкодившие мальчишки

Стояли вдоль торцевой стены конторы. У всех был мученический вид, один Замойлов, улыбался, хотя похоже было, что улыбается он для храбрости.

Миронов медленно ходил по конторе, заложив руки за спину и что-то насвистывая, и лишь временами бросал ни них исподлобья брезгливый взгляд.

На стене уже висел свежий боевой листок. Вся четверка была изображена в неестественных позах, с перекошенными ртами и выпученными глазами. У каждого торчало из карманов по два «огнетушителя». Стихотворная надпись начинала так:

« Выпить решила Жильцова бригада,

Но совсем не воды, не лимонада.

Зашли они в один магазин

И взяли там несколько бутылок вина»

Наконец, Миронов медленно произнес:

- Надо вас всех поганой метлой гнать. Но пропадете тогда. Кому вы такие нужны. Оставляю всех на участке с испытательным сроком. До первого нарушения. Бригаду расформирую. Ты! – он указал пальцем на Жильцова, - Пойдешь в бригаду Талипова. Электролинейщиком пятого, нет... четвертого разряда.

- Хорошо, - тихо отозвался разжалованный.

- Иди к столу. Вот тебе бумага, ручка. Пиши, что не возражаешь.

Когда, Жильцов дрожащей рукой написал отречение Миронов сей исторический документ спрятал в сейф.

Потом Миронов подошел к Сапогу.

- Пойдешь слесарить на три месяца. А там видно будет. Свой броневи́к передашь пока Сабиру. А вы двое с завтрашнего дня марш на разгрузочную станцию. Будете комплектовать опоры. Норма – три штуки в день.

Змойлов вытянул в струнку, щелкнул каблуками и бодро рявкнул:

- Не извольте беспокоиться, вашбродь!

Тот поморщился.

- Все! Вот выдастся дождливый денек, выставлю вашу капеллу на товарищеский суд. Идите! А ты новенький останься.

Вадим и Миронов расположились за столом. На улице было тихо. Лагерь уже отошел ко сну.

- Ну, что? – пристально посмотрел на Вадима. – Охмурили? Не хватило тебе, брат, ума разобраться, что к чему? Или характера не хватило?

- Не знаю...- пробурчал Вадим, глядя на скатерть.

- Да... - протянул Миронов- Не больно складно твой первый день получился...- Он задумался, а потом быстро заговорил. – В сорок пятом мне было чуть больше, чем тебе сейчас. Призвали меня в армию в ноябре сорок четвертого. Был я тогда веселым и безалаберным. Пошутить любил, все мне было трын-трава. В августе наш полк перебросили из Ирана в Маньчжурию. А командовал нашей ротой капитан Данилов. Солдаты его уважали, а мне он казался мелочный, придирчивым, нудным. Если на посту задремлешь за минуту, запилит до смерти. А в соседней роте ребята катались, как сыр в масле. Командиром там был старший лейтенант – фамилии не помню – добрейшая душа. Запанибрата вел себя с подчиненными, все жалел солдат. Бывало, с нас пот льет в три ручья, а соседи наши уже десятый сон видят. Завидовал я им! А ночи в Маньчжурии порой случаются темные, беззвездные. Вот такой темной ночью подкрались японцы к нашим соседям и перекололи штыками почти всю роту, и лейтенант того тоже. Сонных, понимаешь? Так и не вскрикнул ни один. Пытались у нас взять. Только наши ребята были привычные к обходам Данилова и держали ухо остро.

Вот тогда я и призадумался, кто настоящий командир. Тот, кто заигрывает с подчиненными или кто по справедливости с них требует? Руководителю, большому или маленькому, нельзя быть добреньким. Иначе сожрут всякие замойловы.

- Извините, больше такого не повторится.

- Да не нужны мне твои извинения. Я просто хочу, чтобы ты понял. Ладно, иди отдыхай.

.... В эту ночь Вадиму долго не спалось. Он стоял у окна в темном вагончике. Весь лагерь был залит светом двух прожекторов, установленных на высоких столбах. Было тихо, только за рошцей время от времени стучали по рельсам составы. Со стороны гор тянуло осенним холодком.

Вадим пытался уговорить себя, что все происшествие сегодня – ерунда. Но долгожданное спокойствие не приходило.

«А ведь ты испугался Замойлова, - сказал он наконец самому себе. – Там, на бахче, ты уже чувствовал, что он поступает подло. А потом у тебя не осталось ни малейшего сомнения. Но ты промолчал».

Вадим с пронзительной ясностью понял, что никогда не сможет вспоминать сегодняшний день без стыда. На миг ему захотелось побежать к Миронову, уговорить его перевести его в любую бригаду. Только бы не быть с Замойловым. Но в следующую минуту Вадим переборол собственную слабость. Раз уж так случилось, что теперь им вместе работать, он обязательно испытать себя в единоборстве с Замойловым. И повода для самооправданий больше не будет.

... Тихонько скрипнула дверь одного из вагончиков. На улицу вышел человек. Воротник его пиджака был поднят, фуражка надвинута на глаза. Однако Вадим сразу же узнал Замойлова. Стараясь бесшумно ступать по гравию, тот огляделся и юркнул в узкую щель между вагончиками.

Еще не менее полутора часов простоял Вадим у темного окна. Замойлов так и не возвращался.

Такелажная наука

Утром Миронов отвез Вадима и Замойлова на новое место работы.

Вадим чувствовал себя разбитым. Завтракать не ходил: стыдно было появляться в столовой после вчерашнего. Он натянуто поздоровался с Замойловым и демонстративно отвернулся.

Замойлов выглядел так, будто вернулся с курорта. Глаза его излучали доброжелательность. Он напевал, похлопывая себя тросточкой по джинсам. На нем была кожаная фуражка с микроскопическим козырьком. Усевшись в машину, как ни в чем не бывало обратился к Миронову:

- Нилыч, угостите сигаретой.

«Интересно, где он пропадал ночью?» - думал Вадим. Он был почти уверен, что утром на участке будут говорить о каком-нибудь загадочном ночном происшествии, и уже готов был связать его с отлучкой Замойлова. Однако никаких ЧП за ночь не произошло.

Разгрузочная площадка тянулась вдоль железнодорожного полотна в полукилометре от вокзальчика. Вадим увидел тупиковую ветку, припорошенную угольной пылью. К ней примыкала довольно обширная территория от поступивших дворов забором из колючей проволоки. Вся площадка была завалена грудями металлических конструкций. Между ними сновал трактор, к которому было прицеплено огромное приспособление, похожее на согнувшего шею журавля. Тут же Вадим узнал, что этот механизм называется «гуськом».

Едва узик остановился, из кабины трактора вылез крепкий бритоголовый мужчина с тонким орлиным носом и черными навывкате глазами.

- А, Раим! Салом, салом! – приветствовал его Миронов. – Как дом, жена, дети?

- Рахмат! – ответил тракторист, на миг прижав руку к сердцу, и тут же заговорил быстро и горячо с заметным восточным акцентом.

- Что это за работа, Нилыч?! Совсем шалая- валяй получается. Пока Алик был со мной, кой-как справлялись. А ты его на какие-то курсы отправил. Почему раньше не посылал, когда вагона не было? А сейчас работать надо, не на курсы ездить. – Он сделал руками широкий жест, как бы пытаясь разом объять весь металл, лежащий на площадке. – Что я один могу? Пакет зацепить надо, поддержать надо, опускать надо. Бегаю целый день из кабины к крюку и обратно. Пощупай – вся спина мокрая. А толку нет. А вагон придет? Что буду делать?

- Ладно, ладно, не серчай, Раим! – добродушно отвечал Миронов, похлопывая того по плечу. – Один день побегал и уже нервничаешь. А Алику учиться нужно. Он молодой, но то что мы с тобой. Пусть учиться, пока есть желание. А помощников я тебе сегодня привез, как обещал. Гляди, какие орлы!

Раим энергично взмахнул рукой:

- Зачем говоришь – орлы? Разве орлы пьянствую? Эх, Нилыч! Я помощников для дела прошу, а ты суешь кого попало, штрафников разных.

- Ты же у нас опытный воспитатель, - попробовал отшутиться Миронов. – Сколько у тебя своих-то? Одиннадцать? Или уже двенадцать?

- Двенадцать! Двенадцать детей у меня! – с силой ударил в грудь Раим. – Я детей воспитывать должен. И кормить должен! И мне деньги зарабатывать надо, понимаешь? И нервы у меня не железные, понимаешь?

- Не волнуйся, дорогой, - серьезно сказал Миронов. – Ребята теперь под моим личным контролем. Чуть что – разговор будет короткий.

Все четверо вошли в угол площадки. Здесь примостилась маленькая будка. В ней был самодельный стол и два рассохшихся стула. На стене висела полка с кипой замусоленных изорванных в лохмотья бумаг.

Миронов взял одну из них, развернул на столе. Это был чертеж металлической опоры.

- Ты бы все-таки поаккуратнее, - досадливо сказал он Раиму. – Других экземпляров у меня нет.

- Э, давно уже пальцами не трогал, - начал оправдываться тот. – Все чертежи без уголков на память знаю. Во сне вижу.

- Вот! – теперь Миронов обратился к Вадиму. - Всего у нас на трассе восемь типов опор. Пока начал поступать один тип. Опора горная, собирается из отдельных уголков. Все марки уголков и количество на одну опору выписаны здесь в столбик, видишь? Вот вы и должны каждый день комплектовать по три опоры. По обороте на брата. А также разгружать вагоны, если придут. Ясно?

- Да.

Миронов вздохнул и повернулся к Раиму:

- Так и нет стыковых?

Тот только беспомощно развел руками.

Миронов еще раз вздохнул и снова повернулся к Вадиму:

- Вон, видишь, вся опора – если ее собрать- состоит как бы из двух половинок. А скрепляются они стыковочными уголками. Маленький такой уголок, а без нее опора не опора. И ставить ее нельзя, и провода не покатишь. Всю трассу мне этот уголок клятый держит. То ли нам на заводе забыли вложить в вагон, то ли в пути где-то затерялся, то ли на этой площадке лежит под другим...

- Нилыч! – взмолился Раим. - Все я уже перевернул. Аллах свидетель! Нету здесь стыковых.

- Ладно, ладно! Сам знаю, что нет. Но если вдруг найдется...случайно, - он обвел всех троих взглядом, - сразу ко мне. Премии за него дам...

Едва он уехал, у Замойлова весело заблестели глаза.

- Ну что, друзья? По рублю – и в школу не пойдем? – Тут же расхохотался, глядя на вытянувшиеся лицо Раима, и вывернул пустые карманы: - Не бойся, друг Раим, отнимать у твоих детей кусок хлеба я не собираюсь. Однако же... Не может такого быть, чтобы где-нибудь не завалылась монетка. - Он принялся шарить по всем карманам. – А вдруг сейчас трешку найду? Нет! Ни копейки! И это у человека, который зарабатывает четыреста рублей в месяц! Где они, эти четыреста человек? – Вдруг ни с того ни с сего он круто переменял тему: - Послушай, Раим-ака, познакомь меня с какой-нибудь хорошенькой девушкой, а? Есть у тебя такие на примете?

Раим сплюнул:

- Э, балаболка! Айда работать! – и большие шагами двинулся к трактору.

Вадим демонстративно последовал за ним, едва не задев Замойлова плечом.

Вадима немало удивил тот ужасающий беспорядок, с которым покоился на площадке металл. Неужели нельзя было с самого начала разложить все аккуратно, чтобы потом не лопатить эту огромную груду в поисках нужной детали, думал молодой джентльмен.

Он имел наивность задать этот вопрос Раиму.

Тот долго молчал, затем коротко ответил:

- Вот скоро придет вагон – сам увидишь.

Ждать пришлось недолго.

На третий день опалы подходя утром к площадке, Вадим еще издали увидел, что в тупичке стоит высокий вагон. На площадке еще никого не было.

Вадим подошел к вагону, поднялся по скобам наверх и заглянул внутрь. Вагон едва не доверху был наполнен связками металлических уголков. Интересно есть ли среди них стыковые? Премия, обещанная Мироновым, оказалась бы сейчас нелишней.

Внизу слышались тяжелые шаги. Вадим обернулся. Так и есть – пришел Раим. Тракторист тоже поднялся наверх – с противоположной стороны и, едва глянув на металл, принялся горестно ругаться.

- Что случилось? – не понял Вадим.

- Э, сам что ли не видишь? Прокладок под связками нету.

- Ну и что?

Раим укоризненно посмотрел на него:

- Как трос заведешь?

Все это – «прокладки, трос заведешь» - было для Вадима совершенно непонятно, но он бодро улыбнулся.

- Ничего, справимся.

Раим только вздохнул.

- Будем начинать.

- Может, подождем Замойлова?

- Некогда, дорогой. Тут начальство на станции больно строгое. Два часа на разгрузку дает – ни минуты больше. Не успеешь – плати штраф! Нельзя участок подводить.

Тут появился Замойлов.

- Ого! Нам, кажется, предстоит небольшое развлечение? Начинайте, друзья мои! Я только переоденусь и тотчас присоединюсь к вам. – Он скрылся в будке.

Вадим лихо забрался внутрь вагона.

Раим подогнал «гусек» так, что клюв механизма навис над вагоном. Н клюве было закреплено толстое стальное кольцо, с которого свешивались четыре троса с крюками на концах.

Недолго думая, Вадим зацепил пару крюков прямо за проволоку, стягивающую верхнюю связку и выкрикнул: «Тащите!»

- Эй – громко позвал Раим. – Где ты там!

Вадим высунул голову.

- Не «тащите», а «вира»! – пояснил Раим. – А еще лучше – покажи так, – он сжал кулак, оттопырив большой палец и несколько раз дернул им кверху. – И сам давай из вагона.

Вадим уселся на торце.

Крановщик включил двигатель, трос начал натягиваться. Связка чуть приподнялась, и в ту же секунду проволока лопнула. Уголки рассыпались по всему вагону. Взметнулись крюки. Один из них мелькнул у Вадима перед носом. Незадачливый такелажник едва не свалился на рельсы.

По скобам уже поднимался Замойлов. Узнав, в чем дело, он принялся весело хохотать. Раим едва не почернел от огорчения.

- Да я сделаю, – чуть не плача, принялся оправдывать Вадим. – Вы только покажите, как...

Тракторист обреченно махнул рукой.

- Товарищ бригадир, прошу не оказывать психологического давления на молодежи! – строго сказал Замойлов. В его глазах плясали сумасшедшие огоньки. – Всего-то дел? Успокой свою нервную систему, друг Раим.

Он ловко спрыгнул в вагон, Вадим за ним. Они принялись выкидывать наружу рассыпавшиеся уголки.

- Бойся! – весело кричал Замойлов.

Наконец открылся доступ к второй связке. Вадим, видя, как зацепил тросы Замойлов, сразу же схватил сущность нехитрого метода и через пятнадцать минут делал самостоятельно. Но до Замойлова ему было далеко.

Замойлов работал сноровисто, ловко и вместе с тем осторожно. Когда он кричал «вира!» и на несколько шагов отходил от поднимаемого пакета, невозможно предоставить, что он оступиться или наткнется впопыхах на какой-то торчащий уголок. И выглядел он как огурчик – даже к концу работы. У Вадима же кожа на нескольких пальцах было содрано до крови, колени покрылись ссадинами, не говоря уже о мокрой спине.

Наконец, вагон был пуст. Раим вылез из кабины трактора.

- Ладно. Пойду на станцию. Вагон раскредитовать надо. Пусть пригонят тепловоз. Отдыхайте пока, – и он зашагал по тропинке вдоль полотна.

- Не пойти ли к нам на станцию? – задумчиво проговорил Замойлов, глядя вслед трактористу. – Раскредитуем бочку пива. А? – и повернулся к Вадиму.

- Я здесь посижу.

- Деньги есть. – Замойлов многозначительно похлопал себя по карману.

- Все равно.

- Ага, ты, значит, из моральных соображений? Как знаешь. А я, пожалуй, прогуляюсь. Если Миронов будет спрашивать, скажи, пошел хлебнуть кефиру, восстановить затраченные калории.

Поправив фуражку, он быстро зашагал по той же тропинке.

На следующее утро к тупичку подъехали два грузовика с металлическими площадками вместо кузова.

Из кабины первого автомобиля выбрался Миронов. Поздоровавшись, он сразу перешел к делу:

- Вот что, друзья, хоть и нет стыковых, а работать надо. Выкинем на трассу еще десять опор. Пусть половинки пока собирают.

Тем временем к ним приблизились водители грузовиков. Один был невысокий, полным, с горбатым разбойничьим носом, но удивительно добрым выражением глаза. Второй – сухопарый, с острыми скулами – так и приплясывал на месте, словно его снесла неукротимый внутренний огонь. Он заговорил сварливо, глядя куда-то в сторону. Только так, давайте такелажников! Один на трассу не поеду – и все! Привыкли у шоферов на горбу ездить! И отвези, и нагрузи, и разгрузи, да еще увяжи. И все шофер, все сам!

- Зачем говоришь? – не выдержал Раим. – Когда ты сам грузил?
- Да сто раз грузил!
- Ну, скажи, скажи, когда?
- Как будто сам не знаешь!
- Не знаю! – Раим мало-помалу тоже начинал распалаться. – Не знаю!
- Стоп! – каким-то ненатурально ласковым тоном проговорил Миронов. – Хорошо, Ильяс. Вот тебе такелажник. – Он взял Вадима за локоть. – Съезди с ним на трассу, поможешь, ясно?

Сварливый шофер еще ворчал некоторое время о инерции. Видимо, он настроился на затяжной штурм, а победа далась неожиданно легко и потому не вызвала особого удовлетворения.

Машину загрузили конструкциями. Вадим сел в кабину. Пока ехали по проселку, Ильяс, дал газ и замолк. Через минуту Вадим вцепился на всякий случай в поручень.

Ильяс гнал тяжелый грузовик так, словно это был реактивный лайнер, идущий на взлет. Позади оставались тракторы, грузовики, даже «Жигули» и «Волги». Встречных машин шофер словно не замечал.

Толстый водитель по имени Сервер, который выехал с площадки минут на пятнадцать раньше, они обогнали еще до шоссе.

Наконец, впереди показался поселок – зеленый, уютный, безмятежный. Ильяс резко затормозил у обочины. Слева высилось белое здание. Вадим сразу узнал тот самый магазин, в котором Замойлов покупал вино.

На самой окраине поселка асфальт кончался. За небольшим каналом опять начиналась выжженная земля предгорий. Через канал был переброшен деревянный мостик без перил. Мостик был довольно узок, что Вадим даже засомневался, в этом ли месте они будут переезжать через канал.

Ильяс мчался к мостику, не снижая скорости.

«Тормози же!» - Вадиму захотелось завизжать от страха. Он прикрыл глаза, ожидая удара. Когда открыл – мостик был уже позади. Вадим оглянулся. Через мост переезжал Сервер. Ехал он медленно, высунувшись из кабины и устремив взгляд на переднее колесо...

В глубь предгорий вела хорошо накатанная колея. Она разбегалась на вершине низкого холма и, дробясь, разбегалась с него в разные стороны. Когда поднялись на пятую или шестую такую же плоскую макушку, Ильяс затормозил. Впереди желтела куча разрытой земли.

- Пикет, - коротко пояснил Ильяс. - Там и сбросим железки. – Он достал сигареты, закурил. – Где этот старый черт? Плетется, как на похоронах...

Показалась машина Сервера, вся в клубах пыли. Проезжая мимо, Сервер что-то крикнул.

- Опять попилил в объезд, - ухмыльнулся Ильяс. - Ничего. Все равно будем первыми.

Он поплевал на ладони, поерзал на сиденье, и, крикнув, нажал на газ. Машина стремительно покатила с холма вниз. Но теперь ехала не по колее, а напрямик – к пикету. Но пути вниз Ильяс набрал максимальную скорость, чтобы по инерции взлететь на соседний холм как можно выше. Спуск был крутым, но последовавший за ним подъем – еще круче. Скорость падала на глазах. Ильяс дергал рычаги. Автомобиль взвыл и рывком продвинулся еще на десяток метров. Мотор ревел на пределе. Из-под колес летели комья грязи и булыжники.

У самой вершины силы машины, казались, иссякли. Колеса забуксовали. Вид Ильяса был страшен. Он походил на укротителя, подопечные которого взбунтовались.

- Ну! Ну! - орал он, и машина словно лошадь, которую прищипорили, одолела критическую точку и выбралась на вершину.

Но чтобы попасть к пикету, нужно было преодолеть еще одну ложбинку. Второй подъем был еще круче. Вадим не сомневался, что машине его не взять. Но он ошибся. Как исхитрился Ильяс загнать груженный грузовик на холм, было совершенно не понятно.

Откинувшись на спинку сиденья, шофер вытирал со лба пот.

- Ну вот, -улыбка самодовольства появилась на его лице. – Мы первые.

Сервер подъехал через несколько минут.

- Давай! – засуетился Ильяс, увидел коллегу. – Иди снимай проволоку. Вот кувалду.

Сварные секции и тяжелые уголки были прикручены к платформе толстой проволокой. Только поэтому они и не потерялись при такой езде.

Креплением конструкций на базе занимался Раим. Как это он делал, Вадим не обратил внимания. И сейчас он не знал, как освободить груз. Проволока была натянута как струна. Он взялся за два коротких ее конца, торчащих от места скрутки и напряг мышцы. Безрезультатно. Вадим беспомощно посмотрел на кувалду: а ее- то зачем дали?

- Готово? – высунул голову Ильяс.

- Сейчас. – Вадим изо всех сил вцепился в проволоку, пытаясь распрямить хотя бы одно ее кольцо.

- Эй! Да ты чего делаешь?! Вот чудак! – Ильяс одновременно и рассердился и удивился. – Ну и такелажник. Откуда ты такой взялся?

Вадим уязвленный собственной беспомощностью, уныло молчал, ожидая, что сейчас последуют насмешки. Но Ильяс не сказал больше слово. Спрыгнул на землю, поднял кувалду и с силой ударил дважды по тому месту, где проволока огибала острый край платформы. Проволока лопнула. Конструкция загудела.

- Вот такой, дорогой, - произнес Ильяс. – Продолжайте.

« Я ничего не знаю, не умею, надо мной смеются, -бичевал себя Вадим, неловко стуча кувалдой. – Так мне и надо!» Проволока, однако, поддавалась.

« А что теперь?» - тревожно думал Вадим, перебив последнюю скрутку. – Сейчас он скажет: сгружай! А как? Эту секцию и пошевелить невозможно. Наверное, есть какой-то простой, очень простой способ разгрузки. Но я –то его не знаю...» - его охватило отчаяние.

- Отойди же! Чего стоишь?

Ильяс делал что-то непонятное. Он вдруг покати́л машину с откоса – кузовом вниз. А затем ударил по тормозам резко. Грузовик замер. Секции с грохотом полетели на землю. Площадка была совершенно пуста.

Вадим был поражен простотой увиденного. Все правильно, первый закон Ньютона. Быть может, Ильяс не знает этого закона, но использовал его мастерски. А вот он, Вадим, закон знает, а сообразить не смог.

Тем временем заканчивал разгрузку и Сервер, который применил для этого другой способ. Он достал небольшой тросик, прикрепил его одним концом к бетонному фундаменту, лежащему на пикете, другим - к грузу. Затем медленно двинул машину вперед. Конструкции мягко шлепнулись на кучу земли.

Сервер аккуратно смотал тросики и подошел к Ильясу.

- А зачем я был вам нужен? – спросил Вадим. – Я ведь почти ничего не сделал.

- Много ты понимаешь! – Ильяс резко взмахнул рукой. – Важен принцип – вот! Положено такелажника – дайте! Почему я должен отказываться от своих прав? – Ильяс раздраженно повернулся, быстро прошагал к машине, завел ее и так же стремительно покати́л с холма.

Сервер кивнул Вадиму:

- Ладно! Поехали, парень.

В кабине он заговорил:

- Ты не обижайся на него. Он хороший шофер. Только машину не жалеет. И немножко самолюбивый. Понимаешь его портрет в этот раз не повесил на Доску передовиков. А мой повесили. Вот он и горячится. Ничего, скоро успокоится. Еще извиняться придет. Он хороший парень...

.... С первых дней у Вадима начались складываться неплохие отношения с Раимом. Правда, поначалу трактористу приходилось то и дело высовываться из трактора и кричать новичку: « Куда лезешь под кран?!» или « Не держи руками снизу!». Однако Вадим быстро постигал премудрости такелажного мастерства. Вдобавок пригодились его умение читать чертежи, цепкая молодая память. Вадиму уже не нужно было переворачивать уголок, чтобы определить его марку. Раим проникся к парню все больше уважением, а однажды предложил:

- Хочешь научу работать на гуське? Не только управлять – весь механизм покажу? Потом курсы кончишь права дадут. Механизатором быть хорошо. Заработок приличный . Уважение. Ты ведь молодой. Учиться надо. Что это за дело- такелажник...

- Спасибо Раим отвечал Вадим. – Трактористом я не собираюсь быть. Правда, такелажником тоже.

- А кем же? – заинтересовался Раим. Его живое, открытое лицо удивительно располагало к откровенности.

- Физиком, может, стану...

- Учителем?

- Нет, не учителем.

- А кем же? – настойчиво допытывался Раим.

- Ну, исследователем... Ученым.

- А что будем делать?

- Мало ли что... Перед физикой сегодня тысячи проблем. Например, ученые вплотную подошли к управляемой термоядерной реакции.

- Это бомба что ли новая?

- Наоборот! – Вадим принялся объяснять, польщенный тем, что этот сметливый, с немалым житейским опытом человек внимательно слушает. – Понимает, один кусочек вещества будет давать энергию тысячи лет. Можно будет осветить и обогреть весь земной шар, построить мощные космические корабли , выйти за пределы солнечной системы. Энергия будет дешевле... вот этого булыжника. И жизнь станет лучше.

- Так, так, - качал головой Раим. –Только знаешь, что я тебе скажу? Когда изобретут эту самую реакцию и начнут строить разные штуки – трактористы все равно понадобятся. Хорошая профессия никогда не помещает! Никогда!- убежденно произнес он еще раз. – Э, хорошо можно жить. Только чтобы мир был...

.... Замойлов « вкалывал» на равных с ними, не опаздывал, в рабочие часы почти не отлучался. Но в последнее время он заметно осунулся, под глазами появились круги, а сама глаза приобрели какой-то лихорадочный блеск. Иногда он надолго задумывался, глядя куда-то в сторону. Даже его шутки и иронические замечания утратили колючесть.

Ночные отлучки Замойлова, по-видимому, продолжались. Вадим, тоскуя с непривычки по дому, раза два долго не ложился спать и оба раза видел, как скользит по затихшему лагерю гибкая фигура Замойлова. Стрельцов по-прежнему не находил этому объяснения. Иногда Вадим подмывало пойти следом за Замойловым, но всякий раз его что-то сдерживало.

.... Вагончик- столовая и вагончик-клуб были теми местами, где по крайней мере дважды в сутки – утром и вечером – монтажники собирались вместе.

Вскоре Вадим уже знал, что в лагере « прописаны» четыре большие монтажные бригады и несколько бригад поменьше – вспомогательные. Это был веселый, здоровый и, по первому впечатлению, покладистый народ, умевший ценить шутку и не лезть за словами в карман.

С каждым днем круг знакомым Вадима рос.

Однажды вечером к нему подошел парень среднего роста, остроносый, с красным лицом и белесыми волосами. Сунул твердую ладонь:

- Будем знакомы. Бойцов, Александр. На общественных началах редактирую стенгазету и боевой листок.

- Ага! – улыбнулся Вадим.- « Выпить решила Жильцова бригада».
- Редколлегия обязана откликаться на все нарушения трудовой дисциплины.
- Обязана. Я просто хотел спросить, кто вам сочиняет такую белиберду?

Бойцов потупил глаза и прокашлялся. Вадим понял, что поступил бестактно. Перед ним был автор собственной персоной.

- Ничего. Я и не такую критику слышал. С восьми лет стихи пишу.
- Ну и как? Публикации есть?

- Ты понимаешь, какая штука. Года два назад послал я свои стихи в Москву. Ответ прислали непонятный: « Попробуйте писать прозу». В прошлом году навещался в журнал там посоветовали записаться в какое-нибудь литобъединение. А откуда у меня на это время? Недавно вот предложил несколько вещей в районную газету. Там, в общем, одобрил, только попросили немного выправить размер, подобрать другие рифмы и все перекрутить на тему дня.

- А ребята как относятся к твоим стихам?

- Нормально Хотя истинных знатоков поэзии здесь, конечно, нет. Но для стенгазеты тоже писать надо. Надеюсь пробиться в поэты, пусть и небольшие.

- Конечно. А карикатуры очень удачные.

- Да? – обрадовался Бойцов. – Это рисует женья из бригады Куницына. Я передам, что тебе, понравилось. Я, собственно, почему к тебе подошел. Пора, друг, подключаться к нашему органу. Как раз начинаем готовить номер к Дню Конституции.

- На чем я могу помочь? Я стихов не пишу.

- И не нужно. Напиши небольшую заметку. На одну страничку. Хотя бы о Раиме.

- Хорошо . О Раиме я напишу.

.... Мнение о Сашке Бойцове как о чуде и только продержалось у Вадима недолго. Буквально на следующий вечер произошел случай, заставивший его взглянуть на незадачливого поэта другими глазами. Случай, правда, относился к разряду тех, о которых говорят: и смех и слезы.

Чуть в стороне от жилого городка Миронов установил вагончик-баню. Каждый вечер сторож дядя Гриша, бывший по совместительству и истопником, разжигал в топке огонь и « поддавал парку». Трубы при этом гудели, дрожали и вибрировали, однако система работала исправно, что позволяло дяде Грише время от времени отлучаться со своего поста, где была неимоверная жара.

И вот однажды в момент его отлучки из топки выпало неловко положенное туда полено. Пол здесь был весь залит соляркой, которая моментально вспыхнула. Пламя начало стремительно подниматься по стенам. Через считанные минуты удушливый дым заполнил весь вагончик, где как раз мылось человек двадцать. Кто-то истошно завопил:

- Пожар!

Голые монтажники стремглав выскочил наружу. Крики и вопли всполошили лагерь. Люди бежали со всех сторон, однако никто толком не знал, что же произошло. Но когда над баней высоко взметнулись столб огня, раздался пронзительный вопль:

- Спасайся! Сейчас котел взорвется!

Еще секунда – и все бросились бы врассыпную.

И тут возле горящего вагончика появился Бойцов с небольшим огнетушителем в руках. Не обращая внимания на предостережения, он ворвался прямо в пламя, как бы рассекая его своей худощавой фигурой. Это и решило дело. В ход пошли лопаты, песок, огнетушители. Вадим работал так же ожесточенно, как и другие. Через десять минут о пожаре напоминали лишь пятна сажи на вагончике да пустяковые ожоги у некоторых добровольных пожарников.

Перепаханных, возбужденных монтажников вдруг охватил приступ буйного веселья. Целый водопад острот обрушился на головы тех бедняг, что выскочили из бани в чем мать

родила. Но они не обижались. Напротив, сами же смеялись над собой, что увеличило всеобщее веселье.

Дед Мирон, узнав о случившемся, страшно рассвирепел. Были посланы гонцы за дядей Гришей, вернувшиеся с пустыми руками. Горе – истопник счел за благоразумное вовремя схорониться. Тем не менее он был заочно лишен совместительства.

Назавтра боевой листок откликнулся за пожар красочной карикатурой и целой поэмой, смысл которой сводился к нехитрой сентенции:

« Если ты взялся баню топить –
Очень ответственным нужно быть.
И никуда не уходить,
Даже воды попить».

В поэме Саша и строчкой не упоминал о своем участии в тушении пожара. А Вадиму еще долго виделись его острые плечи, бледное лицо, костистые пальцы, крепко сжимающие огнетушитель.

Планерка. Тайна Замойлова

Утром Миронов сказал Вадим:

- Приходи сегодня на планерку. Тебе полезно будет послушать.

Планерка Миронова проводит каждый вечер. Приглашал в контору бригадиров, механиков, снабженцев, кое-кого из рабочих. Час-полтора говорили о делах прошедшего дня, составляли планы на ближайшее будущее. Обычно после планерки по конторе долго еще плавали клубы густого табачного дыма. У Миронова была своя система проведения планерок. Сначала он бросал для затравки какую-нибудь колючую реплику, потом давал возможность выговориться всем присутствующим и уж затем высказывал свое собственное мнение, с которым почти всегда все соглашались.

Сегодня планерка была как никогда многолюдной.

- Что товарищи? – проговорил Миронов, обводя собравшихся цепким взглядом. – Не идет дело, а?

- А вы нас не попрекайте! – отвечал ему, вскидывая крупную голову, самый заслуженный в тресте бригадир Алексей Куницын. Вадим слышал, что Куницын был недавно награжден орденом и эта награда несколько отразилась на нем. Бригадир начал слегка задирать нос. – Сначала обеспечьте материалами, а потом спрашивайте. А если обеспечить не можете- мы в этом не виноваты.

- Мы ведь от работы не отлыниваем – поддержал Куницына добродушный великан со шкиперской бородкой Сурхан Талипов. – Да и со временем не считаемся.

- Сортиры строим, скоро чистить начнем – подал голос маленький шустрый Иноят Джамписов, все еще не оправившийся от недавней «обиды». Им, верхолазам, первым прибывшим на участок, когда еще не было ни материалов, ни фронта работ. Миронов поручил бригаде Иноята построить туалетную, с которой, по его словам, начинались и более важные объекты. Скрипя зубами, Джамписов выполнил задание, но с теп пор садился на планерки в дальнем углу и подавал оттуда едкие реплики.

Четвертый бригадир, худощавый и жилистый Вася Дергачев, предпочитал говорить о себе в третьем лице:

- А Васька, как дурак, мотается по трассе – и все нехорош! Сначала плит не было – фундаменты ставил. Потом плиты пошли – фундамент ставил. Потом плиты пошли – фундаменты кончились! То бульдозер станет, то кран сломается. А весь спрос с Васьки! Нашли самого дурного!

- У меня в кармане, ничего нет, - отвечал Миронов. - и металла, ни машин, ни уголков тех клятых. И родить вам я тоже не могу.

- Ну, зачем вы так говорите! – вновь вскинул голову Куницын. – Нажимать надо на трест. Пусть там шевелятся, шлют представителя на завод! Так сидеть ждать у моря погоды можно до Нового года. А упрекать нас не надо. Мы свое дело делаем нормально, - заключил он.

Миронов вынул из ящика тетрадку и бросил ее на стол.

- Вот радиограммы только за последнюю неделю. «Шлите металл. Бригада под угрозой простоя». Каждый день три раза! Три раза!

Бригады дружно загудели:

- Радиограммы можно и полгода слать.

- А кто телеграммы принимает? Верочка?

- Так она в них селедки заворачивает...

- Радиogramмы идут по адресу, - терпеливо разъяснял Миронов. – Думаю, скоро, металл будет. Работа у нас есть. Есть фундаменты. Котлованы. Ну-ка ,подай голос, кому завтра делать нечего? Вот ты, Василий, почему оставил два бракованных фундамента?

- Какие мне привезли, такие и поставил! – огрызнулся Василий.

- Какие тебе привезли? А ты сам – кто? Мальчишка? Первый раз в жизни фундамент видишь? Ты сколько трасс уже построил?

- Да я...

- Молчи! Раньше должен был думать! Завтра переделать! К вечеру приеду – проверю. Вот с этой рулеткой приеду. Смотри у меня!

- Сделаю миллиметр в миллиметр, - проворчал Дергачев.

Миронов тут же взялся за Джамписова. Потом за мелочи досталось и Куницыну.

- Ну что, други бригадиры? Дней через пять- семь металл придет. Будут у нас все условия для работы. Но пора нам переходить на прогрессивные методы работы. Надо объединить все наши разрозненные бригады в одну. Надо это, чтобы покончить с междоусобицей. Никакой нездоровой конкуренции, ненужной спешки – бригада –то одна, единая. Второе, более разумно распределять технику. В –третьих , никому не остается чужих грехов , сами же будет начатое заканчивать. В –четвертых, пусть кто-то в единой бригаде попробует подвести остальных. В –пятых, весь участок переходит на оплату по аккордно- премиальной системе. А это ваш заработок. И так я еще могу назвать сто пунктов. Поначалу будет трудно. Не прав я?

- Как будто все красиво, - ответил Дергачев. – Собрать всех людей в одну бригаду – это, я понимаю, сделать уравниловку. Хорошо ты работаешь, плохо- а получай одинаково. Это для лодырей хорошая система.

- А сколько у тебя в бригаде лодырей? Назови! Молчишь!А у тебя, Иноят? А у тебя, Сурхан? А у тебя, Алексей Кузьмич?

- А у нас естественный отбор...

- Ага! Значит у нас не трассе лодырей нет. Так что же, вы сами себя боитесь?

Разговор был долгий. Бригадиры разошлись около полуночи, тихо переговариваясь, сонные, разомлевшие. Казалось не устал лишь Миронов.

Миронов показал Вадиму лист ватмана, висевший на стене.

- Это сетевой график строительства» Целый институт его составлял. Видишь, сколько мы должны сделать на сегодняшнее число? А сколько сделано? С гулькин нос.

- Но вы же не виноваты, - пожал плечами Вадим.

- Ты думаешь, мне от этого легче? – Миронов задумался. – Любим ы иной раз оправдаться. А у Ленина знаешь какой лозунг висел в кабинете? « Кто хочет работать – ищет средства, кто не хочет – ищет причины». Так-то, брат... Трудимся мы неплохо, но нужно учиться работать лучше. – Он вздохнул. – Ох, сколько нам еще надо учиться. Мы сделали , что смогли. Заложили фундамент. А строить здание дальше- вам ,молодым. Особенно твоему поколению. Так что наматывай на ус. Пригодится в жизни. А трассу мы все равно сдадим к Новому году, как и положено по графику.

Вадим вышел на улицу. Ночь сегодня была удивительной. Воздух казался напоенным свежестью, горьковатым запахом пожелтевших трав.

Незаметно для себя Вадим со своими думами миновал линию прожектора и, оказался в полной темноте, еще некоторое время медленно брел вперед. Наконец, развернувшись, так же медленно направился к лагерю.

Прожекторы легко выхватывали из темноты пространство перед вагончиком. Склад, мастерские, машины, стоявшие в ряд были освещены слабее.

Вадим решил сделать небольшой крюк, подышать воздухом перед сном.

Он прошел сквозь ряд машин. Здесь не было гравия,, под ногами лежала сыроватая пружинистая глина. Шагов Вадим не слышал.

Дверца одной из будок, где жил женский персонал, была приоткрыта.

Было видно белели два обнаженных тела. Они так крепко сжимали друг друга в объятиях, что сначала Вадим понял, что перед ним мужчина и женщина.

Своим длинным телом он, казалось, хотел совсем расплющить ее. Однако мужчина двигался медленно и ритмично, с каким-то сладострастным упорством, и в колеблющемся свете ночника видно было, как напрягались все его великолепные мускулы.

Мрак скрывал женщину — Вадим различил лишь согнутую полноватую ногу, прижатую к бедру мужчины, грудь под мужской ладонью да белую руку, которая порхала легко, словно бабочка, почти машинально лаская мужское тело, а потом вдруг, расслабленная, падала, и до Вадима доносился глубокий стон.

В те мгновения, когда наступала тишина, Вадим слышал слившееся воедино дыхание, оно становилось все чаще, напоминая порывы знойного ветра. Потом вдруг снова наступало затишье, и снова среди ночи раздавался жалобный стон женщины, а ее рука, словно срезанный цветок, бессильно упала.

Тут же раздался жаркий счастливый шепот:

- Ты меня любишь? Ты и вправду меня любишь? Ну скажи еще раз. Возьми меня еще раз.

Вадим узнал голос Тани. Горячая волна ударила ему в лицо. Поспешно, но еще более заботясь, чтобы его не обнаружили, он ретировался. Так вот в чем дело? Выходит Замойлов и Таня любят друг друга? Конечно же любовь красивой, независимой Тани облагораживает Замойлова. Теперь понятно, почему он так переменился. Конечно же, Замойлов перерождается. Надо и самому относиться теперь к нему лучше...

Отгулы

И вот наступил момент, с таким нетерпением ожидаемый монтажники. Начались отгулы.

Уже с утра в лагере царило приподнятое настроение, хотя отъезд как обычно, намечался на послеобеденное время.

К трем часам дня одна за другой вернулись с трассы бригады. Из-под коек извлекали сумки, саквояжи, чемоданы, где хранились отутюженные брюки, белоснежные рубашки, модельные туфли.

К четырем часам причесанные, гладко выбритые, веселые монтажники заняли места в машинах, до блеска выдраенных шоферами.

Вадим сел в автомобиль, где собрались в основном планирующие остановиться в трестовском общежитие – гостинице, как его называли монтажники. В кармане у него лежала записка Миронова к коменданту и тридцать рублей, выданные прорабом под расписку на всякие расходы.

В этой машине ехали Таня и Замойлов. На Тане были синие брюки и голубая ситцевая кофточка, особенно эффектно подчеркивающая белизну округлых рук поварихи. Из своих пышных волос Таня соорудила роскошную прическу, слегка подкрасилась. На ее высокой груди колыхался маленький золотой медальончик. Глаза излучали счастливый свет.

Замойлов как бы демонстративно сидел в противоположном углу.

За окнами тянулись бесконечные поля. Вадиму объяснили, что это и есть знаменитый хлопок. Сейчас поля стояли все белые. Высокие кусты были усеяны гроздьями белоснежной ваты. Начиналась хлопковая страда. Над кустами плыли голубые комбайны.

В прошлый раз Вадиму не удалось посмотреть Ташкент. Почти сразу же с поезда он пересел на электричку. И вот теперь предвкушал встречу с большим незнакомым городом.

По широкому шоссе мчался густой поток транспорта. Потянулись заводские трубы, автопарки, строительные управления. Вдали уже вырисовывались контуры высоких зданий. Вот промелькнул первый троллейбус, станция метро, переплетение трамвайных путей.

Рабочий день недавно кончился, и не улицах было особенно многолюдно. Промелькнул большой рынок, ярко расцвеченный природными красками: высокими грудями желтели дыни, зеленели арбузы, алели помидоры. В одном из рядов пламенели цветы, море цветов.

Вот и общежитие – желтое четырехэтажное здание, отделенное от улицы уютным сквериком. Комендант, громкоголосая худая женщина, прочитав записку Миронова, потребовала от Вадима документов. Потом поселила новичка в комнату на третьем этаже. Здесь стояли две кровати, постель на одной была слегка примята. Из ванной приглушенно доносился шум воды, чье-то довольное покрывание.

Через несколько минут оттуда вышел мокрый, совершенно голый парень. Большое махровое полотенце, которым он энергично растирался, закрывало его лицо.

Вадим сразу же узнал Артема из бригады Талипова. Артем опустил полотенце и, увидев перед собой Вадима, улыбнулся ему, ничуть не смущаясь своей наготы.

- П-привет – заметно заикаясь воскликнул он.

Вадим припомнил, что у них в школе в параллельном классе был парень, который заикался гораздо меньше Артема, но чрезвычайно болезненно переживал свой недостаток. Дело доходило до смешного. Однажды к нему на улице обратился случайный прохожий, по невероятному стечению обстоятельств тоже заика, и спросил как пройти на такую ту улицу. В ответ Павел – так звали этого парня – побагровел и стремглав бросился бежать, оставив незнакомца в совершенном недоумении.

Артем никогда так не поступал. Это был заикающийся говорун, неутомимый рассказчик и анекдотчик. Несмотря на заикание, он попросту заговаривал с незнакомыми людьми, без тени смущения пускался в спор с первым встречным. Его общительность была поразительна. Казалось, он задался целью оставить земле как можно меньше людей, не слыжавших его голоса. С Вадимом он заговорил, едва увидев его в лагере.

Внешность Артема, как и его характер, тоже отличалась своеобразностью: невысокий ростом, по-петушиному запрокинутая голова, прямой взгляд, прямой взгляд, как бы приглашающий к диалогу, слегка приоткрытые, подрагивающие губы, на которых словно приплясывали слова, порывистые движения, помогающие замешкавшемуся слову вырваться наружу.

- Сидеть дома будешь? – спросил он Вадима, видя, что тот неподвижен. – Зря.

- Пожалуй. Надо начинать знакомство с Ташкентом. Я ведь впервые в городе. Может, посоветуешь, куда пойти?

- Куда?! Да в т-тысячу мест! Ташкент – кишлак тебе, что ли? Иди на Алайский!

- Алайский? Это что-мечеть?

- Еще чего! Базар! Кого хочешь встретишь.

- К базарам и магазинам я равнодушен.

- А к д-девчонкам н-неравн-нодушен?

- Ну...я люблю театры, музеи...просто побродить по незнакомым улицам... - Вадим хотел добавить, что прошел в Москве все Садовое кольцо, но промолчал.

Артем оделся.

- Подожди немного. Мне надо позвонить. Вернусь – подумаем.

- Ладно, я пока ополоснусь.

- В –ва...

- Что?

- В-валяй!

После душа Вадим почувствовал себе бодрее. Усталость прошла. А где Артем? Забыл о своем обещании? Послониавшись по комнате, он решил сам съездить в центр.

Когда он вышел из гостиницы, вдоль проспекта вспыхнули фонари, на крышах зданий – разноцветная реклама.

Только что проехала поливомоечная машина и вечерний воздух наполнился влагой, свежестью, зеленью.

Вадим двинулся по дорожке к троллейбусной остановке. Навстречу ему из глубины сквера вышла Таня. От неожиданности он остановился.

- Вадим, а где Костя? – спросила она, вплотную подходя к нему и заглядывая в глаза. Теперь на ней было яркое летнее платье с глубоким вырезом. Вадим заметил, что лифчика на ней не было, сосцы ее груди рельефно просматривались. Если бы Вадим увидел Таню сейчас впервые, он и представить не мог ее у плиты среди кастрюль и посуды.

- Не знаю.

- А вы разве не вместе?

«Может она думает, что я посвящен в отношения». От этой мысли он смутился.

- Если хочешь, я найду его.

- Нет,- он на секунду твердо поджала губы. – Хотя... да-да, пожалуйста! Поищи его. Скажи, что я здесь, - она умоляюще смотрела на Вадима. Тому показалось, что еще секунда – и она расплачется.

- Я сейчас... -и быстро поднялся в холл.

Замойлов сидел в своей комнате на диване, листая «Крокодил».

- Там тебя там Таня ждет, - многозначительно сказал Вадим, полагая, что Замойлов сейчас же вскочит с дивана и бросится на улицу.

Замойлов смерил его странный взглядом и, не говоря ни слова, принялся листать журнал дальше.

- Я, говорю, Таня ждет.

- Подождет!

- Что-нибудь ей передать?

- Слушай-ка, посыльный!- вдруг с яростью возопил Замойлов. – Топай-ка ты подбру-поздорову! –Он подскочил к Вадиму, крепко стиснул его локоть, крутанул на месте и вытолкал за дверь.

Сбитый с толку, малоопытный в любовных делах, Вадим медленно спустился вниз. Тани уже не было. Он растерянно огляделся. Щемящее чувство охватило его.

В этот момент кто-то с силой хлопнул Вадима по плечу. Он стремительно обернулся: Артем. Вид у того был возмущенный.

- Понимаешь, дело какое. В холле у телефона десять человек – не пробьешься. Я, понятно, к гастроному – там автомата четыре. Похожу- оборваны у всех трубку, представляешь? А в прошлый раз все целые были. Вот сволочи! Голову открутить таким воду! – он крикнул. – Ну ладно, пошли!

- Куда?

- Женщина у меня есть, понимаешь? Хорошая очень . Ей толк что звонил. Подруга у нее как раз. Познакомишься. Я спросил на всякий случай, ка подруга – ничего? В п-порядке, говорит.

- Я не знаю... - к столь к резкому повороту Вадим был явно не подготовлен.

- Чего тут знать! Я уже сказал, что едем вдвоем. Они ждут уже. Чего тебе здесь куковать?

Вадим был взволнован. Сразу же вот так познакомиться с девушкой? Или нет, ас женщиной (как сказал Артем). Сумеет ли он произвести на нее благоприятное впечатление? Что сделать, чтобы показаться ей интересным?

Артем не давал ему возможности обдумать вариант.

- Айда! Вот и троллейбус подходит.

И в троллейбусе Артем оставался верным себе. На передней площадке жарко спорили, и он сразу же ринулся в гущу споривших. Тысячу раз повторявшаяся история: какой-то мужик спросил, как ему лучше доехать до аэропорта. Сразу же возникло несколько вариантов, причем каждый советчик считал свой наилучшим.

- Да нет же, н-нет! – перекричал всех Артем. – Была ему охота делать десять пересадок! Вам надо сойти на Ходре и пешком пройтись немного. Там пересядете на троллейбус №14. П-погода п-прекрасная , п-прогуляться – одно удовольствие. А так прождете дольше, - от избытка энергии он заикался сильнее обычного.

Мужичок смотрел на Артема со страхом, будучи не рад, что стал невольным виновником этой перепалки.

А Артем уже толкал Вадима в бок:

- Гляди! Гляди! Вон в-видишь, сидит у окошка? Красивая мордашка, верно? Только я бы к ней в жизни не подошел! Это же к-кукла! Пустая и глупая, на что спорим? – от его громкого комментария Вадим покраснел.

Рядом села старушка. Горестно вздыхая, она разглядывала абонементы:

- На что они мне? В магазине дали: сдачи не было. Я со слепу думала троллейбусные, а это трамвайные. На трамвае я , считай, и не езжу.

- Трамвай- лучший вид транспорта Спросите хотя бы меня. Я знаю. У меня на трамвае любимая женщина работает. Анной ее зовут. Берите 15 копеек, давайте свои абонементы.

На него поглядывали, крутили головам. Артем был в своей стихии.

Наконец Артем потянул Вадима к выходу. Судя по всему, здесь был центр. Вокруг текла густая толпа.

- Сквер Революции, - пояснил Артем. – А там гостиница « Узбекистан». Пошли скорее, они возле метро ждут. Кстати , - неожиданно спросил он. – Как ты с Замойловым? Не конфликтуешь?

- Н-нет...

-Да ? – переспросил Артем. – се же будь с ним поосторожней. Неискренний он человек. Губами улыбается, а глаза злые. Ради выгоды на что хочешь пойдет. У нас раньше повариха была - некрасивая, кривая, лет шестидесяти. И представляешь, Замойлов сделал ее своей любовницей. А знаешь зачем? Чтобы жрать бесплатно в столовой!

- Не может быть!

- Может. Он и с Таней пытался то же самое проверить. Только тут же обломилось.

Вадим промолчал.

-Ну да ладно. Что мы все о Замойлове! Скоро перейдешь в нашу бригаду. А пока не волнуйся – а обиду не дадим.

В сквере было особенно многолюдно.

- Вот и они! – закричал неожиданно Артем.

Тут Вадим увидел женщин. Обе были весь милы , на вид лет двадцати восьми. Одна черненькая, тут же расцеловались с Артемом. Это была Анна Кудыш. Вторая, плотная, светловолосая, с подведенными глазами, смотрела на Вадима с интересом. Артем тут же перепознакомил всех. Беленькую звали Леночкой Измалковой.

Виктор предложил отметить встречу в кафе, но девушки потребовали идти в кино. Там шел какой-то шикарная французская комедия « Чудовище», и билеты они уже взяли.

Кинотеатр « 30 лет ВЛКСМ» был недалеко, и через полчаса компания сидела в кинотеатре.

После окончания фильма, Артем с Аней, как то ловко « смылись». Артем только подмигнул Вадиму.

Вадим и Лена двинулись по уютной зеленой улочке.

- Вам понравилось? – спросил Вадим.

- А тебе? – это « тебе» прозвучало естественно.

- Мне-да.

- Мне – тоже. – Она вдруг спохватилась .- Ой, как уже поздно! – вдруг спохватился она.

- Я тебя провожу.

- Но я живу далеко.

- Ничего.

Безлюдными темными улицами Леночка вывела его к большой автобусной конечной станции.

Здесь уже фыркал оранжевый «ЛИАЗ» № 58.

- Побежали, мой автобус! – она крепко схватила Вадима за руку.

Автобус был забит. Пассажиры, в основном молодежь, возвращалась после кино и свиданий. Леночку так притиснули к Вадиму, что он ощутил прикосновение ее молодого упругого тела , запах волос. Вадима охватило какое-то волнение. И он со смущением, понял, что у него начинается эрекция. Леночка загадочно улыбалась.

Автобус мчался по широкой улице, по всей видимости , одной из центральных. « Улица Руставели»- шепнула Лена. Потом огней за окнами стало меньше. Автобус пересек переплетение трамвайных путей у какой-то автостанции , нырнул под какой-то мост и, судя по всему , по подступившей к окнам темноте, оказался за городом.

Время было полдвенадцатого.

Леночка снова улыбнулась ему и обняла Вадима за талию, прижавшись к нему сильнее. Реакция у Вадима стала сильнее.

Минут через десять показался большой микрорайон, девятиэтажки. Выйдя из автобуса, Вадим огляделся.

- Куда ты меня привезла? – спросил он, стараясь придать голосу шутливую интонацию.

- Это же Сергели, не узнал?

- Понятно... - глубокомысленно изрек Вадим.

Леночка повела его по узкой земляной дорожке в глубь полутемного массива. То и дело приходилось нагибаться чтобы не царапать лицо о низко согнувшиеся ветки.

Вскоре они вышли на небольшую полянку, окруженную со всех сторон разросшимися деревьями. Воздух над влагой и цветами. Было очень тихо.

- Вот мой дворец, - шепотом сказала Леночка, указывая на ближайший дом. –Посиди немного, я сейчас вернусь. – Она осторожно провела рукой по щеке Вадима и исчезла в густой тени.

Под деревьями находилась врытая в землю скамеечка. Вадим сел, остро переживая приключения. «Может подрочить, пока Леночки нет?!»

Небо было чистым, усыпанным сотнями звезд. Он вдруг вспомнил своего любимого писателя Герберта Уэллса «Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?».

Его охватило внезапное упоение. Предвкушение чего-то...чего-то...интересного! Легкий, почти неслышимый шум листвы чудесной музыкой проникал в душу.

Глаза несколько привыкли к темноте, и Вадим разглядел в углу полянки небольшой бетонный бассейн – лягушатник, какие обычно устраивают для детей.

Незаметно из темноты вынырнула Леночка. С пакетом в руках.

- Нашиспят... - шепотом произнесла она. Она успела переодеться. На ней был легкий сарафанчик. Она села рядом.

- Кто это –ваши?

- Дедушка с бабушкой, - со смехом ответила она. Потом откинулась назад и замолчала.

«А что если я сейчас ее поцелую? – с храбростью отчаяния подумал Вадим. - Вот поцелую и ...»

Но момент был упущен.

- У меня есть вино и сыр. Будешь?

- Буду! – отважно ответил бравый ухажер молодой женщины Леночки Измалковой.

Они выпили и закусили. Вино было терпкое, кисловатое, густое.

- Расскажи что-нибудь интересное, - попросила она. – Про себя.

- Про себя. Что бы.. Ага! Вот! Был у нас в классе Мишка Ступин. Как-то раз мы поехали на неделю на овощи. Дело было в августе, но холодина выдалась страшная. А рядом со складом пожарный бассейн, полный воды. И вдруг Мишка ни с того ни сего предлагает: хотите нырнуть в бассейн прямо в одежде. Никто ему не поверил. Но все же поспорили. Все продрогли. А Мишка подошел к краю бассейна, взмахнул руками. Ему никто не верит. А он вдруг раз! – и нырнул. В одежде, ботинках, и даже в вберете. А после вылез и как ни в чем не бывало пошел в спортзал. Даже не поежился. Мы в колхозе в школьном спортзале жили.

- Значит, он просто так прыгнул.

- Не совсем. Мы два дня отрабатывали за него норму.

- А ты мог нырнуть в бассейн? Мог бы?

- Зачем?

- А если бы я тебя попросила?

- Ну, если...

- Прыгнул бы?

-Да.

- Тогда прыгни.

- Куда?

- Вот!

Она легко вскочила и увлекла его к лягушатнику.

В бассейне чернела вода.

Он придвинулся к краю, обернулся к ней:

- Прыгать?

- Не так. С дерева.

Над лягушатником росло невысокое корявое дерево.

- Прыгать?

- Прыгай!

Он плюхнулся в бассейн, подняв брызги. Воды было по щиколотки. Он выбрался наверх. Вода хлопала в туфлях.

Леночка радостно хлопала в ладоши.

-Никто еще ради меня не прыгал в бассейн!

Она усадила его на скамейку и опять убежала в дом, а вернулась оттуда с термосом. Они пили кофе, разговаривали, рассказывали истории.

Ночь была теплая. Туфли высохли. Потники тоже. Вскоре звезды начали гаснуть, небо светлеть.

- Никогда бы не поверила, что можно так провести ночь.

- Это-как?

- Хорошо. Тебе тоже было хорошо?

-Угу... - отвечал о , стараясь скрыть от нее зевок. Усталость давала о себе знать.

Стремительно светлело. Вадим подыскивал подходящий предлог, чтобы попрощаться.

- Слушай, куда ты все время бегала ночью? Проверяла , спокойно ли спят бабушка и дедушка?

- Ага.. Хочешь я тебя с ними познакомлю? – каким-то странным голосом отозвалась она.

- В следующий раз...

- Не бойся. Просто глянешь и уйдешь.

В небольшой квартире Вадим увидел детскую кроватку. Вадим сначала ничего не понял, но заметив малыша, мирно посапывающего под одеяльцем, начал кое- что соображать.

- Этой твой?

- У меня соседи хорошие. Дедушка и бабушка. Не мои- чужие, а лучше родных. Присматривают за Женькой, а меня в кино отпускают, развлечься...

Она замолчала и отвернулась.

Вадим чувствовал себя подавленным. Всю ночь она думала о том, не проснулся ли ребенок, а он рассказывал ей про Мишку Ступина.

- Ты еще придешь? – спросила Леночка , пристально глядя ему в глаза.

- Я .. не знаю...

- Ясно...

- Не сердись. Дело не в ребенке...

- Не буду. Спасибо, что не обещал ничего, - глухо произнесла она.

Вадим постоял минуту, и когда Леночка успокоилась, сказал:

- Я пойду...

Когда Вадим добрался до комнаты, то обнаружил там сладко спавшего Артема.

Схватка

После четырех дней отдыха участок показался Вадиму гораздо приветливее и уютнее, чем в первый раз. Теперь от шоссе к нему вела дорога, посыпанная мелким гравием. Вдоль вагончиков уже вытянулись высокие, гибкие стебли, бутоны на которых обещали раскрыться в самом скором времени.

Кроме цветов Миронов привез откуда-то два десятка саженцев. «Они не капризные. Капля воды – и вымахают выше крыши. После нас здесь целая роща поднимется. Быть может, кто-то нам за нее спасибо скажет.»

Появился даже теннисный стол, который поставили рядом с лавочками, где монтажники по вечерам играли в нарды, шахматы, домино.

Миронов как заправский хозяин, встречал бригадные машины.

- Отдохнули? Теперь за дело!

- Какие новости, Нилыч? Стыковые пришли?

- Пока нет, но завтра будут.

- Откуда им взяться?

- Будут! Я трепаться не люблю. Завтра у нас праздник. Ставим первую опору.

Уверенный тон и веселое расположение духа заразительно действовала на всех.

.... На разгрузочной площадке Вадим и Замойлов отправились на грузовике. Замойлов выглядел посвежевшим и отдохнувшим. Его глаза излучали молодецкую удаль. По дороге из Ташкента он сидел рядом со счастливой Таней. И сейчас, поглядывая мельком на Замойлова, Вадим думал: отчего все так предубеждены против этого ладного мужчины? Почему его не любят? За то, что он не лезет за словом в карман? Но разве это недостаток? Вадим вздохнул. Как все-таки всесильна любовь. Сколько обаяния и душевной красоты придала она Замойлову.

Раим уже утюжил площадку «гуськом». Отгулы прошли спокойно, сообщил он. Вагонов не было. Ни одного.

День был удивительный. В лучах ласкового солнца горы казались нарисованными. Природа как бы специально к приезду монтажников приберегла самые свои чистые, нежные краски...

Понедельник – день тяжелый, – проговорил пребывающий в прекрасном расположении духа Замойлов. – Послушай, Раим, ты тут, наверное, без нас каждый день приходит на станцию?

- А как же? – ответил тот – Узнавала – есть вагон, нет вагон.

- Значит, ты заслужил дополнительный отдых. Можешь со спокойной совестью топать домой к жене и ребятишкам. А мы тут с Вадимом поупражняемся вдвоем. Верно, Вадим?

- Конечно. Конечно, идите. – Вадим был тронут заботой Замойлова.

Раим жил неподалеку. У него был огород, на котором он проводил все свободное время.

- А вдруг вагон придет?

- Тогда мы тебя сразу же вызовем. Долго, что ли? Будь спокоен, – пообещал Замойлов.

Раим дал себе уговорить и вскоре двинулся вдоль железнодорожного полотна, пыля рыжими сапогами.

- Ну вот, – удовлетворенно сказал Замойлов. Затем повернулся к Вадиму: – Перекурим? День отъезда, день приезда – какая может быть работа?

Они встали в тени будки.

- Ты кажется, собираешься в следующем году в институт?

- Собираюсь.

А пока, значит, решил подзаработать немного?

- Да уж...

- А что- сейчас трудно поступить в институт?- Замойлов выпрашивал ленивым голосом. Вадиму было приятно, что Замойлов интересуется его планами. По мнению Вадима, это лишь раз доказывало, что любовь творить чудеса и в Замойлове стало просыпаться чувство товарищества.

- В общем-то, нелегко, но вполне достижимо. Просто надо заниматься, как следует. И чтобы чуть-чуть повезло...

- Тогда тебе пора , наверное, за книжки садиться. Чем раньше, тем лучше.

- Ну, заниматься по вечерам –дохлый номер, - с настойчивой заботливостью заключал Замойлов. – Тебе, чтобы поступить, надо капитально сесть за учебники. А перед этим побольше и поскорее заработать. Так я понимаю?

- В принципе, это был бы наилучший вариант, - улыбнулся Вадим.

- Так в чем же дело? – локтями и спиной Замойлов опирался о решетчатую секцию. В уголке рта – сигарета. Голос ленивый, но вкрадчивый. – Есть возможность заработать быстро и много.

- Интересно, как? – Вадим все еще улыбался.

Замойлов махнул рукой в сторону разнокалиберных уголков еще на рассортированных ими. – Видишь сколько железок? Две-три сотни исчезнут ни одна собака не хватится. Да и запас металла на трассу положен. На всякие там непредвиденные потери...

- Ну и что? – не понял Вадим хотя начинал догадываться что Замойлов неспроста завел с ним разговор о планах на будущее.

- А то, что в Ташкенте есть кооператив автомотолюбителей. Строят они сейчас себе гаражи, а материалов тью-тью. А уголки эти самая подходящая вещь для каркаса. Теперь, понял? – он говорил уверенно и спокойно, глядя прямо перед собой. – Словом, я и на отгулах времени зря не терял, установил с ними контакт. Сейчас придет машина из Ташкента. Раима мы сплавим, вывозки сегодня не будет – я узнавал. Единственное, надо отвлечь бобо (сторож площадки Пулат-бобо, живший по соседству, даже днем то и дело подходил к забору, приглядывая за добром). Это я беру на себя. Ну и деда Мирона отвлеку, если тот вдруг заявиться. А тебе надо в машину уголки забросить. Для начала сотни полтора . Если все пройдет нормально, завтра они сделают еще одну ходку. – Замойлов почти вплотную придвинулся к Вадиму. - Только учти, нужны уголки легкие , достаточно тонкие, длиной два-три метра. Понял? Расчет тут же. Тебе – третья часть. Справедливо.

Этот монолог Вадим выслушал в оцепенении. Но по мере того как картина прояснялась горечь разливалась в его душе. Вот оно что! Вадима душила обида за свои собственные придуманные о Замойлове мысли, за Таню, за самого Замойлова, который сейчас прямо на глазах превращался в ничтожество.

- Зачем тебе это, Костя? Ведь у тебя все есть. Ты неплохо зарабатываешь. Тебя любит Таня. Ч то тебе еще нужно?

Замойлов с какой-то особенной издевкой произнес циничную фразу.

- Не смей так о ней говорить! – взорвался Вадим. – Это подло!

- А ты чего взъерепенился? Никак самому приглянулась? Вообще-то, она ничего, только малость придурковатая. Давай так: погрузишь уголки- уступлю. Договорились? – Он рассмеялся, но глаза были холодными и страшными.

- Сволочь! – Вадим неожиданно для себе крепко сжал локоть Замойлова.

- Лапы прочь! – мышцы того округлились под спецовкой. Резким движением он вырвал руку и слегка оттолкнул Вадима. Тот- отчасти, чтобы сохранить равновесие, отчасти разжигаемый пробудившейся внезапно агрессивностью – вновь схватил Замойлова за локоть, но уже сильнее, с намерением причинить боль. Тогда Замойлов с яростью , что было сил ударил его по

руке и тут же толкнул в грудь. Вадим отлетел к металлической решетке. На голову ему словно капнули кипятком. Он почувствовал как горячая струя стекает с темени по щеке.

Теперь Вадим понял все.

- А! Хочешь, чтобы я поскорее сел за учебники?! Уехал отсюда? Чтобы было, на кого свалить воровство?! Я тебя понял, подлец! – выкрикивал он в нервном угаре. Кровь, струящаяся по лицу, возбудила его. Рядом валялся короткий уголок. Вадим схватил его и бросился на Замойлова.

Тот, обескураженный видом крови, которую вовсе не желал проливать, не ожидал столь стремительного нападения. Все, что ему оставалось, то в страхе и ужасе, рыдая и плача броситься на утек. Добежав до фундаментов и укрылся за четырехугольными стволами.

Вадим что было силы ударил уголком по бетону. Удар, боль в руке от отдачи отрезвила его. Он замер, посмотрел на уголок в руках и отшвырнул его прочь.

Тем временем переставший хныкать Замойлов, успевший вооружиться толстой и длинной палкой, опять появился из-за фундаментов. Вид у него был решительный.

- А! Семь бед – один ответ! Сейчас я тебя, щенок, отделаю, чтобы ты понял, каково со мной шутить. Смотри только, штаны не испачкай. Но бойся, я тебя только слегка поштукатурю. А проболтаешься дед Мирону хоть намеком – череп проломлю!

- Стой! – вдруг раздался громкий голос. – Стой! – В проходе стоял Раим. Глаза его излучали гнев.

Замойлов повернулся и пошел на него.

- Брось палку! Брось, Замойлов! Брось! Хуже будет! Брось, слышишь! – выкрикивал, как заклинание, Раим.

- Ладно. Повезло тебе, щенок, радуйся, – обратился он к Вадиму. – Но мне лучше впредь не попадайся. – Замойлов отступил на несколько шагов, отбросил палку в сторону, отряхнул руки от налипших кусочков коры и медленно, не оборачиваясь, пошел с площадки.

Раим подбежал к Вадиму. Кадык у крановщика ходил, как поршень, на висках и над верхней губой блестели капельки пота. Он потащил Вадима, набрал воды в ведро, смочил тряпку и начал протирать рану.

- Э, ничего, – проговорил он. – Просто кожу на голове распорол. Айда к Нилычу...

По дороге Вадим рассказал, что в отсутствие Раима произошло.

- Слушай, – в глазах Вадима стояли слезы, – почему он не боится? Почему так уверен в себе? Ведь так не должно быть!

- Ты не прав. Он боится. Потому и наглый... – И Раим погрозил кулаком в сторону выхода.

... Узнав о происшествии, Миронов разразился проклятиями и бранился долго. Тут же были посланы люди на поиски Замойлова. Того нигде не оказалось. Вещи его из вагончика исчезли. Миронов продолжал браниться, но, кажется, был доволен, что избавился от Замойлова хотя бы и такой ценой.

Затем он усадил Вадима и Раима в машину и повез в поселок. Сначала заехали в больницу, где Вадима перевязали, сделав ему два укола, потом – в милицию, где оставил бумагу о «нанесении телесных повреждений гражданину Стрельцову В.А.».

В поселке выяснили, что с момента схватки отсюда ушли две электрички, а кроме того, автобус в Ташкент. Следовательно, обнаружить Замойлова в поселке вряд ли удастся. И в самом деле, с того дня он навсегда исчез с участка.

Вечером Вадим с перебинтованной головой ходил по лагерю героем. Все останавливали его и сочувственно пожимали руку. В конторе висел боевой листок с соответствующим рисунком и стихами:

« Выпить решил Замойлова – пройдоха.

И подумать, что стянул уголки бы неплохо

Ну а на трассу ему наплевать –

Только о себе привык он мечтать».

Далее о том же духе описывал «подвиг» Вадима.

Сашка Бойцов раз десять за вечер попадался ему на глаза. В конце концов Вадим не выдержал и, кривя душой, одобрил стихи.

- Слушай, а почему у всех твоих стихов одинаковое начало? – спросил он. – «Выпить» да «выпить».

- Потому что пьянство – величайшее зло! – отчеканил Сашка. – Вот я и борюсь с ним своим методом...

«Тропа выкладывается камень за камнем»

Утром произошел тягостный эпизод.

Вадим с перебинтованной головой вошел в столовую. Здесь у окошка стояло несколько человек. Непривычно насупленная Таня отпускали им оладьи со сметаной, кофе. Вадим встал в очередь, заглянул в окошечко.

Таня вдруг побелела и, дрожащая, с безумно расширившимися глазами, закричала на всю столовую:

- Уйди! Уйди отсюда! Из-за тебя он уехал! Уйди! – затем резко повернулась и, сотрясаясь от рыданий, убежала в глубь кухни.

Ошеломленный, покрасневший Вадим стремглав вылетел из столовой, не заметил даже вошедшего Миронова. Словно обезумевший, он ворвался в свой вагончик, но, не найдя себе место, опять выскочил наружу.

Здесь его и перехватил дед Мирон. Обнял за плечи, отвел к себе.

- Не раскисай! – твердо произнес прораб. - Она баба, ей простительно. А ты должен быть великодушным. Ну? Вот так-то лучше. Сиди смирно. Я сейчас приду.

Вадим и в самом деле начал успокаиваться. Его взгляд машинально скользнул по жилищу прораба.

Здесь была стерильная чистота. На окнах висели белые занавески. В шкафчике выходной костюм соседствовал с рабочей спецовкой. Под одеждой рядком стояли туфли и резиновые сапоги. Над диваном красовался огромный табель-календарь со взлетающим Илом. Против чисел, вплоть до Нового года, стояли какие-то хитрые закорючки, галочки, отметки. Сбоку висела небольшая книжная полка, где аккуратно были расположены справочники и бланки. На столе, рядом с настольной лампой, лежала раскрытая читанная-перечитанная книга воспоминаний маршала Буденного «Пройденный путь».

Через несколько минут дед Мирон вернулся. В руках у него был поднос, на подносе - большое блюдо с оладьями, два стакана сметаны и кофейник.

- Давай перекусим. У нас важная поездка намечается. А на Татьяну не сердчай. Жизнь у нее трудная. Не успела от своего пьяницы отойти, а тут этот Замойлов.

И дед Мирон махнул рукой с досадой.

На участке в распоряжение Миронова было две легковые автомашины – служебный уазик и личный ГАЗ-69. Личным транспортом он обзавелся несколько лет, когда заслуженные энергетики получили право приобретать легковые автомобили, списываемые по старости строительными управлениями. Долго возился Миронов с покупкой: перебрал по винтику все узлы, по возможности заменяя детали. Труд не пропал даром - газик приобрел второе дыхание. Миронов берег «ветеран», садясь за его руль лишь в тех случаях, когда служебная была на ремонта – как в эти дни.

Подогнав газик к складу, Миронов открыл замок и показал Вадиму на небольшой бочонок алюминиевой пудры:

- Забрось-ка эту штуковину на заднее сиденье. И полезай сам.

Крикнул появившемуся поблизости Талипову:

- Сурхан! Так не забудь! Готовьте к подъему опору у пропасти. К обеду привезу стыковые. Машину Миронов вел мастерски.

Миновали поселок, выехали на оживленное шоссе.

Вадим бессмысленно глядел в окно, не в силах не думать об инциденте в столовой. «За что она меня так? За что?»

Миронов тронул его за плечо:

- Вон ту подстанцию в 1975 построили. А эти веером линии. Мои ребята строили. Нравиться наша работа? Привыкаешь?

- Привыкаю.

- Да. Я вот по делам в трест частенько навещаюсь. Молодежи там навалом. Здоровые, толковые парни, институты позаканчивали, целыми днями сидят, штаны протирают, бумажки перебирают, перекурить – о футболе калякают. Умные есть. Но я бы не смог. Не выдержал бы сбежал бы на трассу. Бумажками тоже, конечно, надо заниматься, только ты сначала испытай себя. Попробуй себя в деле!

Впереди угадывался крупный промышленный город, как бы сжатый с обеих сторон предгорьями. На склоны ступеньки шагнули панельные дома. Высоко поднимались заводские трубы.

- Чирчик, - пояснил Миронов. Было заметно, что он волнуется.

Они проехали по широкой центральной улице, очень длинной, уютной и зеленой. Затем Миронов свернул, они немного поплутали по переулкам и наконец выехали к заводским воротам.

Миронов остановил машину, вышел и направился к стеклянной проходной. Поле разговора он вернулся чрезвычайно довольным.

Распахнулись ворота, они въехали на заводскую территорию. Попетляв между корпусами газик становился у приземистого строения с раскрытыми воротами. Там, в глубине, визжали, выли, ухали станки. А в сторонке, у стенки, аккуратной горкой высились изогнутые уголки, в которых Вадим тут же призвал стыковочные.

- Они, милые. Порядок! Договорился я с местным руководством. Я им бочонок пудры-они мне двадцать комплектов. Все отгулы я на эти уголки угробил. Ну, теперь мы погоним! Давай бочку выгружай, уголки загружай. А я пойду документы оформлю...

На обратном пути он остановился около продмага. Там они купили ящик минеральный воды.

Они поехали к бригаду Талипова, которой Миронов доверил почетное право установить первую опору на трассе.

Трассу и ее окрестности Миронов знал как свои пять пальцев. Он знал, где можно разогнать газик, а где надо продвигаться осторожно. У Вадима невольно захватило дух, когда он вдруг увидел, что они выехали к глубокому ущелью и на довольно приличной скорости катят по самому его краю. Позже он узнал, что глубина ущелья в этом месте доходило до 120 метров. Где-то там, по дну ущелья, протекала горная речка. Стены ущелья были почти отвесны, а противоположная сторона окутана не то туманной дымкой, не то низким облаком.

Миронов беспечно повернул голову к Вадиму, хотя накатанная колея по-прежнему вела вдоль самого кра, и спросил:

- Что? Хорошее место? Нам над этой канавкой еще провода тянуть придется.

К великому облегчению Вадима колея наконец повернула от «канавки». Здесь на вершине плоского холма, должна была встать одна из опор, уже наполовину собранная. Сейчас вокруг нее орудовала гайковертами и ключами вся бригада Талипова. Здесь были Артем, Бойцов, Жильцов. Да и других Вадим знал достаточно хорошо.

Бригадир, увидел газик, пошел навстречу машине.

Миронов молча показал большим пальцем назад. Талипов влез в газик, громыхнул уголками.

Потом выпрямился:

- Ребята! Порядок! Есть!

Монтажники оживились

- Н-н-нилыч! – хохотнул Артем. – А ведь с тебя причитается за первую.

- За мной не заржавеет, - ответил тот, выбираясь на желтую траву.- Только опору сначала поставить надо. А не то получится: « Выпить решила Талипова бригада». Да еще и я попаду вместе с вами в карикатуру. Верно, Сашко?

Бойцов принял обиженный вид:

- Василий Нилыч, но ведь мой творческий метод дает определенный эффект?

- Дает, дает. Видишь я сам боюсь твою методу. - Тут же он выволок из машины ящик с водой: - Ну-ка, налетай, кто смел. Жарко сегодня...

После водопоя монтажников, Талипов разделил бригаду на два звена. Первое звено занялось стыковкой секций. Второму Талипов поручил затягивать до упора уже навернутые гайки, которых насчитывалось не менее шести сотен. Монтажники ловко орудовали гаечными ключами, удлинив рукоятки с помощью сплюснутых металлических трубок.

- А чем мне заняться? – тихо спросил Вадим у Артема.

- Возьми в-он в той коробке г-гаечный ключ на и иди сюда.

Миронов тоже вооружился гаечным ключом.

Никогда прежде Вадим и представить себе не мог что какие-то металлические уголки способны так воодушевить людей. Лица у всех были открытые красивые сосредоточенные. Даже обычно хмурое лицо Жильцова просветлело сделалось одухотворенным.

Наконец, опора была полностью подготовлена к подъему. К ней прикрепили два длинных троса – тяговый и тормозной. Два мощных бульдозера и кран заняли исходные позиции.

И тогда на пригорок, сбоку от опоры, поднялся Талипов. Как дирижер, он взмахнул руками. Подчиняясь легким движениям его рук, двинулись бульдозеры, зашуршали по сухой траве тросы. Вот опоры дрогнула, словно озноб пробежал по ее звонкому телу. Верхушка оторвалась от земли и как бы нехотя начали подниматься. Все увереннее продвигался трактор, все выше и выше уползала опора и вот, наконец, заняла вертикальное положение. Казалось, за ее траверсы сейчас зацепятся облака.

А на пригорке стояли совсем крошечные по сравнению опоры люди, сумевшие заставить ее подняться, и лица были горды и счастливы.

- Первая! Есть первая! – затрубил Миронов. – Теперь мы погоним! Погоним!

Отсюда хорошо просматривался в обе стороны большой кусок трассы. У некоторых пикетов сновали бульдозеры, передвигая груды желтой земли. Казалось, почти все пикеты лежат в одной, горизонтальной, плоскости, но Вадим уже знал: чтобы добраться до любого из них, нужно преодолеть крутые овраги, кособоры, даже ущелья.

Неожиданное сравнение промелькнуло в его сознании. Разве человеческая судьба не такая же трасса, лишь со стороны похожая на ровную дорогу? Впервые в жизни Вадим ясно понял, что впереди у него будут не только радости, но и огорчения, испытания, даже поражения. И это открытие наполнило его волнением.

Как бы не складывались обстоятельства, какие бы случайные варианты не вступали в силу, теперь он знал точно: сами по себе вершины не покоряются – вершины берут штурмом.

Ошибка

Ядро

Шаров

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.